

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 13 (1970)

28 МАРТА 1965

Герои космоса на родной земле. Павел Беляев и Алексей Леонов на вертолете «МИ-6» прибыли в Пермь.

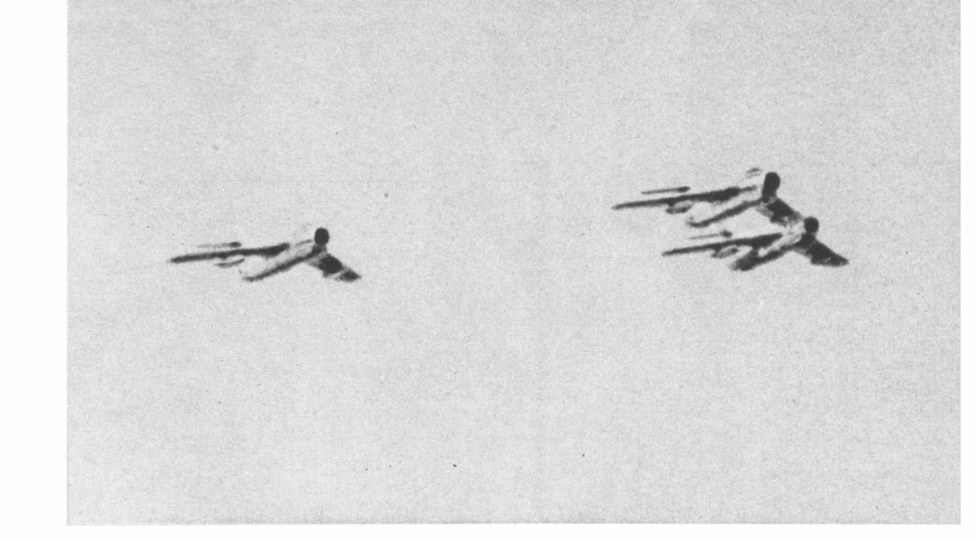
Фото А. Устинова.

СТРАНА ОБНИМАЕТ ГЕРОЕВ

МОСКВА, 23 МАРТА 1965 ГОДА

СТРАНА О

Я ЭТО ВИДЕЛ!

Я, будто к синьке мартовского
неба,
К экрану телевизора приник:
Виденьем космовиденья
волшебным
Передо мной наш человек возник.

Он на глазах всего земного мира,
Свой корпус от «Восхода» отделя,
Так, запросто, как из своей
квартиры,
В бездонный мир шагнул из
корабля.

С улыбкой нам махнул рукой
при этом
И вновь в корабль вошел из
пустоты...

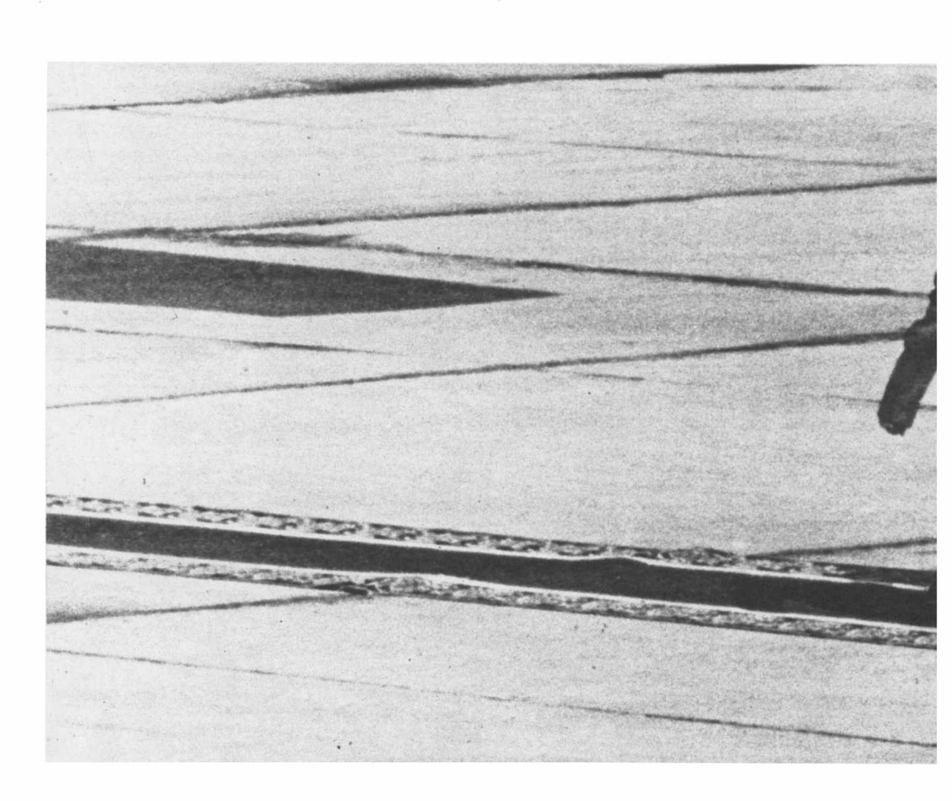
Я это видел так же, как и ты,
Он озарил нас всех своим
приветом,
И от сознанья этой красоты
Любой из нас становится поэтом!

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ
Киев.

НОВАЯ ЭРА

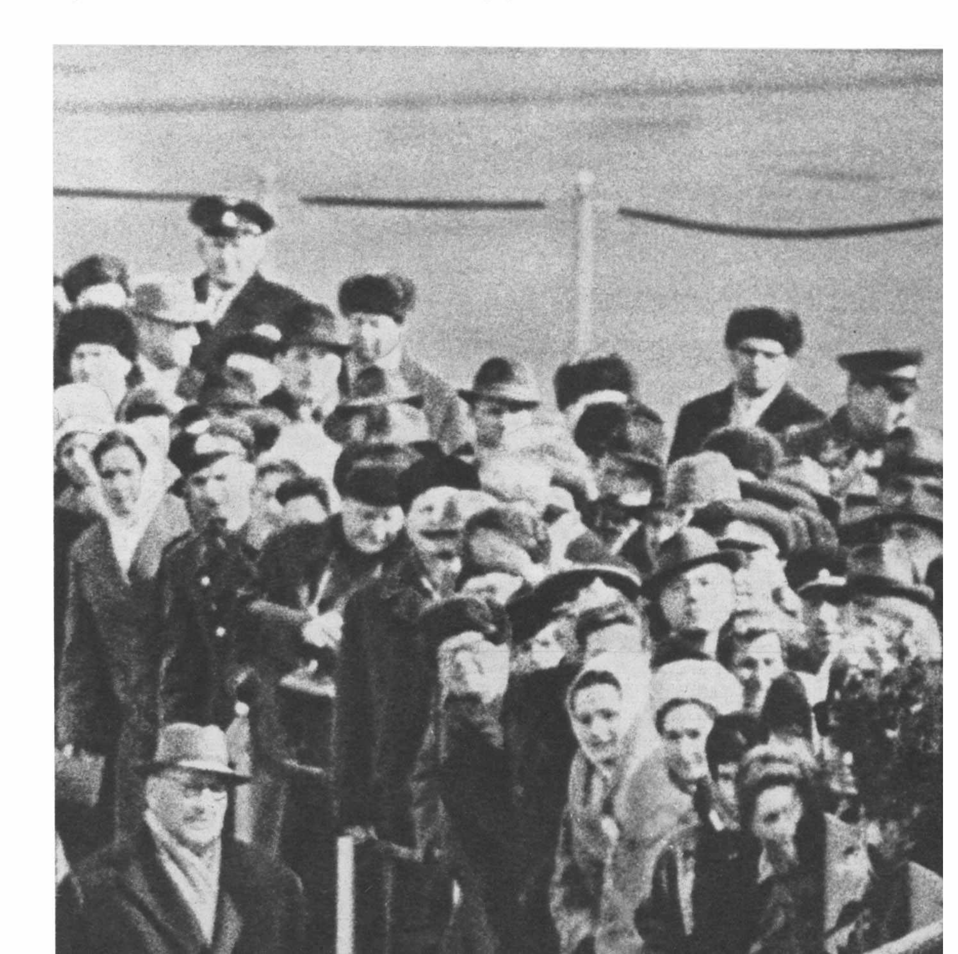
«Восхода» взлет
в сиянье звезд —
Триумф космического века
И вставшего в гигантский рост
Владыки мира — Человека!

Александр ГАТОВ

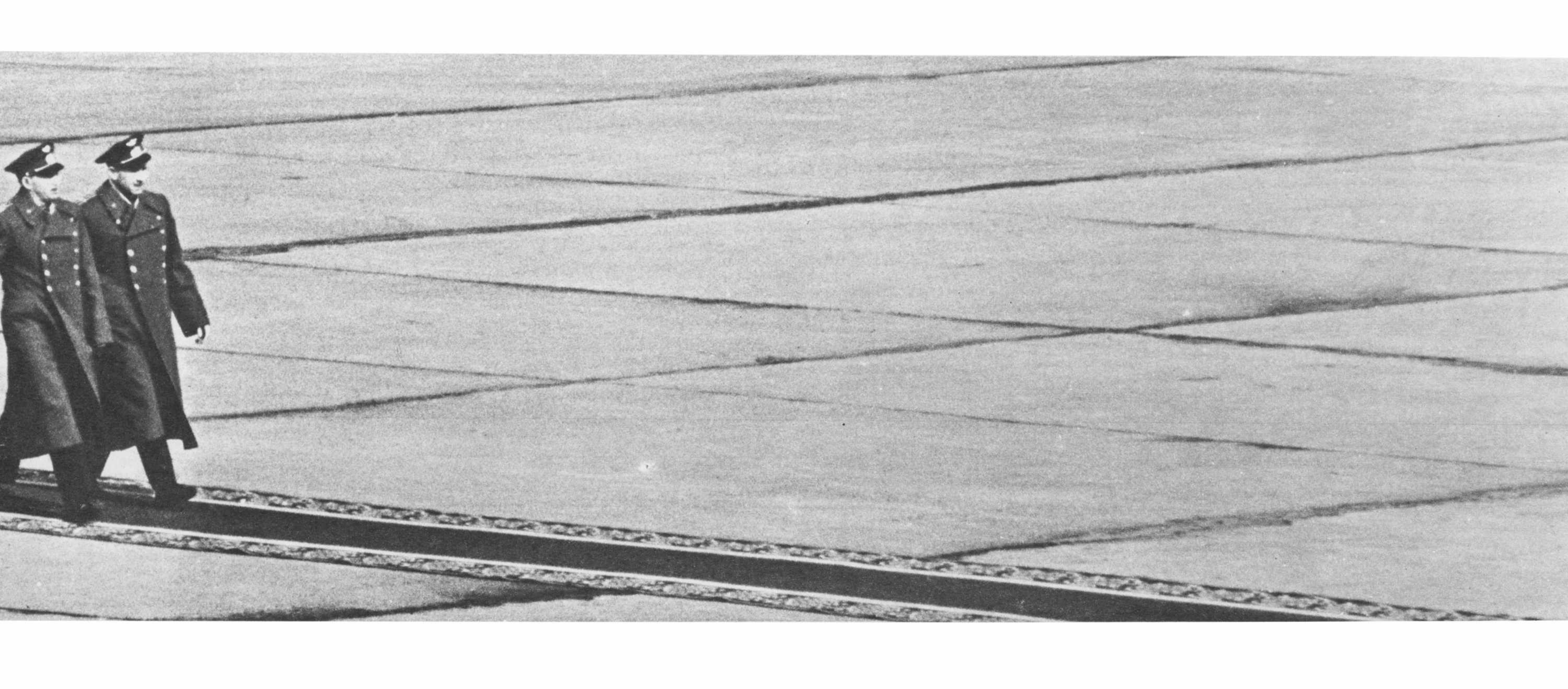
МОСКВА, 23 МАРТА 1965 ГОДА

БНИМАЕТ ГЕРОЕВ

СТРАНА ОБНИМАЕТ ГЕРОЕВ

МОСКВА, 23 МАРТА 1965 ГОДА

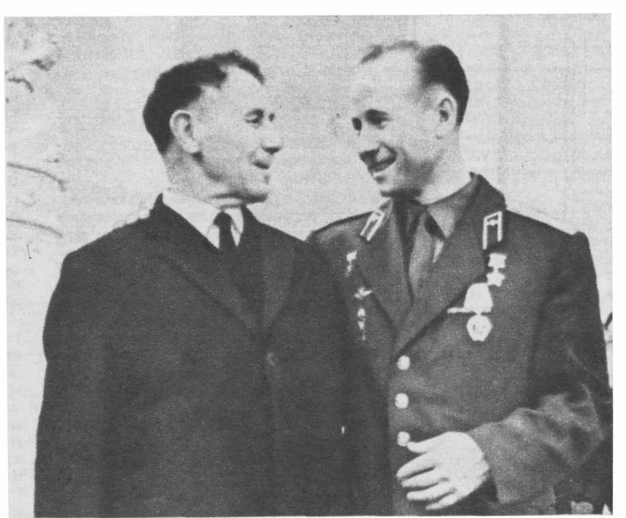
Лестницей славы.

Прием в Большом Кремлевском дворце. С речью выступает Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Холов вручает награды героям.

Полно гордости сердце Архипа Алексеевича Леонова.

Автограф на память.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. БОЧИНИНА, А. ГОСТЕВА, М. САВИНА, Е. УМНОВА.

„Снова русские!.."

Леонид ПОНОМАРЕВ,
корреспондент ТАСС

В этот день слово «космос» ассоциировалось в сознании американцев лишь с одной географической точкой, расположенной на побережье Флориды,— космодромом на мысе Кеннеди. Несколько месяцев подряд там шли интенсивные приготовления к первому в Соединенных Штатах запуску 23 марта двух космонавтов на одном космическом корабле. По мере приближения этой даты печать все больше раскалялась, а за две недели до старта туда потянулись вереницы корреспондентов, комментаторов и обозревателей для «полного освещения» события с места. И сразу был взят такой тон, что порою невозможно было понять, где же в данную минуту находятся американские космонавты Гриссом и Янг — уже на орбите или все еще на земле. Они были на земле; ежедневно в полных космических доспехах поднимались в ракету и имитировали предстоящий полет, а американская печать щедрыми мазками набрасывала захватывающую дух картину «исторического триумфа США в космосе».

Гром новостей грянул с другого неба — не с неба над мысом Кеннеди. Нет, такого никто не ожидал в Америке. Конечно, в общем предполагали, знали: когда-то, в будущем, может быть, не таком и далеком, человек, шагнув за борт корабля в космос, встанет между своей колыбелью-Землей и бесконечностью. Но и не думали, что такое произойдет в эти дни, и даже втайне надеялись: им будет американский гражданин по фамилии Макдивитт. Американские ученые наметили его полет на июнь с заданием пролететь, не выходя из капсулы, с открытым люком несколько минут.

И вдруг весть: «Советский космонавт парит за бортом корабля в космосе». «Первая прогулка человека в космосе». Хотя давно была известна способность русских совершать групповые полеты, констатировал в телеграмме с мыса Кеннеди корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Кларк, выход Алексея Леонова из корабля в космос оказался здесь явной неожиданностью.

О новом, как называют его американские газеты, «эпохальном полете» Алексея Леонова здесь узнали лишь утром 19 марта — сказалась разница во времени.

Агентство Си-би-эс сделало экстренное объявление, обещая показать американским телезрителям видеофильм о «космической прогулке» Леонова тотчас же, как только пленка будет доставлена из Москвы. Самолет немного задержался в полете, и компания не смогла вовремя доставить фильм на центральную студию в Нью-Йорке к началу передачи вечерних последних известий. Тогда Си-би-эс организовала трансляцию фильма прямо с международного аэродрома Кеннеди из своей небольшой вспомогательной студии, оборудованной в аэропорту.

Этот фильм затем снова был показан в одиннадцать часов вечера и на следующее утро. Другие телевизионные компании чуть позднее также показали по телевидению выход Леонова за борт корабля.

Утренние газеты в поздних выпусках спешно перекроили первые полосы, снабдив их крупными заголовками и первыми фотографиями Леонова — таким, каким увидели его москвичи на экранах своих телевизоров.

Агентства спешили донести из Москвы малейшую новую подробность, а корреспонденты, израсходовав запасы эпитетов в превосходной степени, нанизывали на слово «ПЕРВЫЙ» самое яркое ожерелье сравнений:

Алексей Леонов
— первый космический пешеход,
— первый космический пловец,
— первый космический гимнаст,
— живой спутник Земли,
— живая Луна,
— советский Икар.

Газета «Нью-Йорк уорлд телеграмм» даже немного перестаралась, назвав парение Леонова «космическим балетом».

«Нелегко сравнивать познания человека в неизведанных доселе царствах природы,— писала в редакционной статье газета «Нью-Йорк геральд трибюн»,— и все же современное воображение, питаемое чудесами, позволяет думать об Алексее Леонове только превосходными степенями. На пути к овладению воздушным пространством и космосом много было Икаров, но сегодня во главе их стоит подполковник Алексей Леонов».

Официальный Вашингтон в эти дни был немногословен. Выступая на пресс-конференции в своем ранчо 20 марта, президент Джонсон объявил корреспондентам о том, что он направил Советскому правительству телеграмму с поздравлением от имени народа Америки и выразил пожелания дальнейших успехов.

В частных беседах с корреспондентами, предпочитая оставаться инкогнито, компетентные и авторитетные лица не скрывали своего восхищения новым гигантским скачком человечества в освоении Вселенной. По словам газеты «Чикаго трибюн», американские специалисты и официальные лица в Вашингтоне характеризовали новый успех Советского Союза как «блестящее достижение, которое еще больше увеличивает отрыв Советского Союза от Соединенных Штатов в космических полетах человека». Подвиг Леонова произвел на них огромное впечатление, констатировал в телеграмме из Вашингтона корреспондент этой газеты.

С любопытным признанием выступила также и газета «Уолл-стрит джорнэл». Американцев не столько удивляет тот факт, что Советский Союз первым совершил этот подвиг, писала она в эти дни, сколько та очевидная легкость, с какой русские произвели маневр. «Они, должно быть, с громадной уверенностью полагаются на свои космические костюмы и другое оборудование».

По словам газеты, нечто подобное в Америке попытаются предпринять не ранее второй половины 1966 года, да и то этому полету будет предшествовать вначале серия запусков, в которых эксперимент Леонова будет осуществляться по частям. «Способность русских завершить все эти стадии в одном полете,— заключает «Уолл-стрит джорнэл»,— произвела самое большое впечатление на авторитетных лиц США».

Наконец, выражая общее мнение американских ученых, исполнительный секретарь Национального совета по аэронавтике и космическому пространству доктор Уэлш (совет выносит рекомендации президенту в вопросах программы исследования космоса) признал, что полет корабля «Восход-2» «помогает Советскому Союзу сохранять первенство над Соединенными Штатами в космических полетах человека», демонстрирует, что «у них разработан и создан достаточно хороший костюм, позволяющий выход из корабля».

За восьмилетнюю историю освоения космоса американская печать, пожалуй, впервые не рискнула прибегнуть к своему избитому приему — с порога объявлять любой успех Советского Союза в космосе «красной пропагандой». На этот раз, кажется, обошлось без ярлыков, но зато почти в каждом комментарии, обзоре отчетливо звучит глубокая, нескрываемая досада, что Советский Союз всякий раз «опережает» Соединенные Штаты, как только они хотят «произвести впечатление» на мир каким-нибудь космическим экспериментом. Услышав о выходе в космос Леонова, один специалист по космосу, как сообщает «Нью-Йорк таймс», в отчаянии воскликнул: «Эти русские — они сведут нас с ума!» Он имел в виду тот факт, комментирует «Нью-Йорк таймс», что Советский Союз, сохраняя свое техническое первенство в космосе, полон решимости оставаться впереди во всем, что бы ни попытались совершить в космосе США.

Многие обозреватели жалуются, что подвиг Леонова был-де «намеренно приурочен» к предстоящему запуску двух американских космонавтов с целью «затмить их полет». «Несясь по орбите Земли,— недовольно писала газета «Нью-Йорк пост»,— советский космический корабль «Восход-2» отбрасывает тяжелую тень на мыс Кеннеди, где идет подготовка к запуску двух американских космонавтов... Однако многие в США отчетливо представляют себе, что отставание от Советского Союза в освоении космоса происходит совсем не потому, что Советский Союз пытается «намеренно затмить» эксперименты Соединенных Штатов. Причины в другом.

23 марта американские космонавты полетели в одном космическом корабле по орбите вокруг Земли. Их было двое, и на этом кончается все их сходство с полетом тоже двух советских космонавтов — Беляева и Леонова. Как признает даже херстовская газета «Джорнэл-Американ», корабль, в котором отправились космонавты Гриссом и Янг, не достигает по размерам и половины того, в котором путешествовали космонавты Комаров, Егоров и Феоктистов, где экипаж может оставаться без космических костюмов. Самое же откровенное признание, пожалуй, сделал обозреватель агентства ЮПИ Джозеф Майлер. Ссылаясь на мнение официальных лиц, занимающихся американской космической программой, он прямо и без экивоков говорит, что в Соединенных Штатах программирование длительных полетов человека в космосе основывается в значительной части на результатах советских экспериментов, материалы о которых опубликованы в научных докладах.

«У Соединенных Штатов очень мало шансов догнать Советский Союз до конца нынешнего десятилетия»,— констатировал обозреватель газеты «Джорнэл-Американ» Боб Консидайн.

Несмотря, однако, на нескрываемое разочарование и досаду, что первым человеком, шагнувшим за борт корабля в космос, стал не американец, большинство американской печати все же искренне приветствовало новый подвиг советских людей как неоценимый вклад в освоение человечеством просторов Вселенной.

Нью-Йорк.

ЗЕМЛЯ—

В. И. СИФОРОВ,
член-корреспондент АН СССР

В сообщении о новых космических подвигах непременно присутствуют строки: «Связь с кораблем-спутником (в данном случае с кораблем «Восход-2») установлена на частотах...»— и далее следует перечисление частот. В наши дни космические полеты невозможны без надежной двухсторонней радиосвязи. Только в романах Жюля Верна можно было посылать астронавтов на Луну и не думать о радиосвязи, о земных станциях слежения и управления. Тогда не было радио.

«ОГОНЕК». Чем руководствуются ученые, выбирая именно коротковолновые диапазоны для связи «Земля — космос» и «космос — Земля»?

— Короткие волны обладают способностью распространяться на очень большие расстояния.

Это их свойство открыто еще в двадцатые годы нашего столетия. И кстати сказать, открыто радиолюбителями. В то время им был предоставлен этот диапазон: короткие волны практически считались ни на что не годными. Радиолюбители установили такие рекорды дальности связи с очень малой мощностью передатчиков, что ученые стали исследовать короткие волны.

Было проведено очень много теоретических и экспериментальных работ, установлено, что распространение волн зависит от времени суток, от времени года. До-

КАК УЗНА

Профессор А. М. ЛЁТОВ,
заведующий лабораторией Института автоматики и телемеханики АН СССР

«ОГОНЕК». Существуют ли какие-нибудь отличия между навигацией земной и космической! Судя по тому, как описывают космические полеты писатели-фантасты, у будущих путешественников по межпланетным трассам не будет никаких трудностей. Они быстро и легко смогут найти путь обратно домой, на родную Землю.

— Вы совершенно правильно употребили эту терминологию — земная навигация и навигация космическая. Разумеется, полеты

КОСМОС—ЗЕМЛЯ

казано, что одиннадцатилетняя периодичность Солнца вызывает одиннадцатилетнюю периодичность в условиях распространения коротких волн. Были поставлены замечательные эксперименты, чтобы выяснить причины «дальнобойности» коротких волн с помощью специально построенных ионосферных радиостанций.

Изучение ионосферы было продолжено с помощью искусственных спутников Земли.

Ионосфера весьма существенно влияет на связь. Под воздействием ультрафиолетовых лучей Солнца и некоторых других причин происходит ионизация нашей атмосферы, ее верхних слоев — как бы расщепление электрически нейтральных атомов газа на положительно заряженные ионы и свободные электроны.

Концентрация свободных электронов различна на разном удалении от Земли. Радиоволны, попадая в пространство, где электронная концентрация изменяется с высотой, искривляют свой путь и как бы следуют за кривизной земной поверхности и, таким образом, распространяются на очень большие расстояния.

«ОГОНЕК». Сейчас практически освоен диапазон ультракоротких волн. В радиосвязи, которую поддерживали космонавты с Землей и между собой, непременно присутствовал союз ультракоротких и коротких диапазонов. Чем вызван этот союз?

— У коротких волн есть недостатки. Если нам нужно передать по радио очень большое количество сведений или очень быстротечные процессы, как, например, изображение, то емкости коротковолнового диапазона не хватает. Образно говоря, для передачи таких процессов нужно было бы в эфире занять очень много места. А этого места в диапазоне коротких волн практически нет. Поэтому в земных условиях и в условиях космоса телевидение всегда работает на ультракоротких волнах.

Но и ультракороткие волны имеют свои недостатки. Они, подобно лучам видимого света, распространяются почти по прямой линии, не преломляются, не искривляются в ионосфере.

Анализ достоинств и недостатков коротких и ультракоротких волн привел ученых к выводу, что для связи с космическими кораблями, обеспечения ее дальности и вместе с тем для передачи таких быстротечных процессов, как телевизионные программы, необходим союз коротких и ультракоротких волн.

Мы были свидетелями межзвездного плавания Алексея Леонова. Для таких огромных расстояний четкость телевизионного изображения была вполне удовлетворительной. Передача телевизионного изображения космонавта вне корабля была успешно проведена с помощью специально сконструированной бортовой аппаратуры. Это несомненный успех нашей радиоэлектроники.

«ОГОНЕК». Расскажите о сверхдальней космической связи.

— Она за последние годы очень быстро растет. Если при полете советской межпланетной станции «Марс-1» была обеспечена радиосвязь на расстоянии более ста миллионов километров, то при радиолокации планеты Юпитер, проведенной в Академии наук СССР под руководством академика В. А. Котельникова в 1964 году, радиоволны, посланные Землей, дойдя до поверхности планеты и вернувшись обратно, прошли расстояние в один миллиард 200 миллионов километров. Эта дальность была обеспечена применением достаточно мощного радиолокатора и рядом других мер, в частности надлежащей обработкой возвратившихся сигналов.

Одним из путей установления связи на очень большие расстояния является увеличение мощности передатчика. Кроме того, я думаю, что по мере дальнейшего развития космических полетов будут использованы радиорелейные линии в космосе, наподобие того, как это делается в земных условиях. Это будет цепочка приемно-передающих радиостанций.

Современная радиоэлектроника располагает уже сейчас такими средствами, с помощью которых можно покрывать очень большие расстояния для тех случаев, когда речь идет о передаче сравнительно небольшого количества информации. Эти дальности измеряются во всяком случае десятками световых лет.

22 марта 1965 года состоялся пленум Центрального Комитета Румынской рабочей партии.

По предложению Политбюро ЦК РРП пленум единодушно избрал Первым секретарем ЦК РРП Николае Чаушеску.

ТЬ ДОРОГУ ДОМОЙ?

в космическом пространстве требуют разрешения новых дополнительных задач.

От научно-фантастических произведений требуется лишь известная степень правдоподобия. Но когда речь идет о возвращении из космоса домой, то здесь одного правдоподобия недостаточно, нужно точно знать дорогу.

Когда космический аппарат запускается на околоземную орбиту, навигационные проблемы решаются довольно просто. Что же касается полета в космическое пространство, то там, разумеется, остаются в силе все проблемы, с которыми ученые сталкиваются в обыкновенной земной навигации. Но они осложняются новыми задачами, такими, как, например, определение ускорения во время полета, а также тем, что корабль должен управляться автоматически.

Возникает необходимость создания таких приборов, которые на космическом корабле могли бы имитировать систему координат, связанную с Землей. Эта система на космическом корабле будет фактически кусочком земного пространства. Тут надо определять все те же величины: скорость, курс, географические координаты — широту, долготу и высоту места. И в дополнение — разрешить проблему стабилизации космического корабля относительно этих координат. Приборы морские и авиационные для космических путешествий непригодны: они грубы и громоздки. Ученые фактически должны будут создать абсолютно новые инструменты.

Например, если на Земле можно обходиться магнитным компасом, то там, в космическом пространстве, магнитный компас из-за серьезных помех не годится.

«ОГОНЕК». Как определить скорости и ускорение космического корабля? Когда летит самолет, ускорение устанавливается по воздушной подушке, давящей на специальный прибор. А как быть в безвоздушном пространстве?

— В земных условиях для определения ускорения применяются физические маятники. Но они бессильны в условиях невесомости. Тем не менее определить ускорение в космическом пространстве можно. Тут помогут сложные гироскопические приборы и точные вычислительные машины.

«ОГОНЕК». Пилот космического корабля, направляющегося к какой-нибудь планете, по-видимому, не будет сам руководить кораблем. А как вы думаете, можно создать прибор, ну, вроде... космического автопилота?

— Вероятно, можно. Если навигационные инструменты позволят достаточно точно определять курс, скорость, ускорение, положение космического аппарата относительно осей координат, эти показания можно будет использовать для того, чтобы сравнить фактическое движение космического корабля с тем движением, которое было запрограммировано заранее перед полетом. А потом надо будет включить системы автоматической коррекции, которые позволят свести к нулю возникшие ошибки.

Если предполагается в космическом полете совершить где-нибудь остановку, скажем, прилуниться, надо иметь приборы, которые достаточно точно определят расстояние от космического корабля до Луны. Эта проблема также должна подвергнуться специальному изучению, должны быть созданы приборы, которые обеспечивают условия мягкого соприкосновения с Луной.

Словом, любой космический полет — короткий или длительный с возвратом на родную планету — это необычайно сложная техническая задача. Естественно, чем больше задача, тем более и более сложные проблемы возникают перед учеными. Так было всегда, так есть и так, вероятно, всегда будет.

ПЕРЕД ЧЕЛОВЕКОМ — ВСЕЛЕННАЯ

А. Н. ЛЕОНТЬЕВ,
действительный член Академии педагогических наук, заведующий отделением инженерной психологии МГУ, лауреат Ленинской премии

«ОГОНЕК». Человек покинул борт космического корабля и побывал в космосе. Этому способствовали представители самых различных отраслей науки, в том числе ваши, Алексей Николаевич, коллеги — специалисты по инженерной психологии. Хочется спросить: изменилось ли что-нибудь в вашей науке с того момента, когда человек впервые непосредственно вышел в космическое пространство?

— Инженерная психология вызвана к жизни работой человека в условиях высокоразвитой техники. Космический корабль — очень сложная техническая система. И, как иногда у нас говорят, «стыкование» человека с этой сложной движущейся автоматизированной системой, иными словами, космонавта и корабля, требует участия инженерной психологии.

Освоение космоса открывает перед психологией, и в частности перед инженерной психологией, как бы совершенно новое поле деятельности. Ведь в космическом корабле в условиях перегрузок, невесомости работа и поведение человека решительно меняются. Меняется и его психика то есть сложные нервные, мозговые процессы, такие, как восприятие, мышление, воображение, память.

Приведу только один пример. Оператору на Земле не составляет труда выполнить то или иное простое движение, требуемое его работой за пультом управления. Мы даже не проверяем правильность такого движения глазами.

Теперь представим, что то же самое движение выполняется в условиях невесомости. Рука, как и сам человек, теряет вес и, следовательно, сначала не сможет правильно работать. Что же делать? Нужно выполнять движение под контролем зрения, смотреть на руку, иначе она пойдет не в заданном направлении.

«ОГОНЕК». То есть в этом случае глаза должны вторично контролировать действие руки?

— Я бы сказал так: снова научиться контролировать. В большинстве случаев навык вырабатывается под контролем зрения. Затем появляется так называемая автоматизация действия, зрительная проверка, зрительный контроль отпадает, становится не нужным. Но в условиях космоса меняются и зрительные восприятия. Поэтому даже простые предметные действия должны как бы вновь осваиваться. Словом, я хочу сказать, что в космическом полете приложение уже готовых навыков без дополнительного приспособления невозможно.

А ведь в дальнейшем полеты будут усложняться. Еще предстоит работа и на межпланетных станциях и посадка на другие планеты. Тогда еще более изменятся условия, в которых придется работать человеку.

Ученым нужно представить себе своеобразную, странную обстановку иных миров, узнать, как будущий путешественник-космонавт почувствует себя в этих условиях. Однако главная задача состоит в другом. Нужно добиться, чтобы человек смог там действовать точно, разумно, безошибочно.

У нас есть серьезные научные основания считать, что человек именно в самых тонких, самых сложных проявлениях, которые мы называем психическими, обладает необыкновенной возможностью приспособления. Дело в том, что эти процессы изначально не заложены в его мозге, они воспитываются в ходе жизни, как бы строятся мозгом под влиянием тех задач, которые ставит перед человеком жизнь в условиях развития общества, техники и т. д. Мозг образует при этом как бы своеобразные подвижные системы нервных процессов, которые и выполняют эти самые сложные функции.

«ОГОНЕК». И эти системы достаточно гибки?

— Чрезвычайно гибки. Ведь психика человека вообще развивалась, и притом темпами чрезвычайно высокими, под влиянием исторического процесса — выработки человеческой практикой огромного количества знаний, умения, навыков, в условиях решения задач, новых почти для каждого поколения.

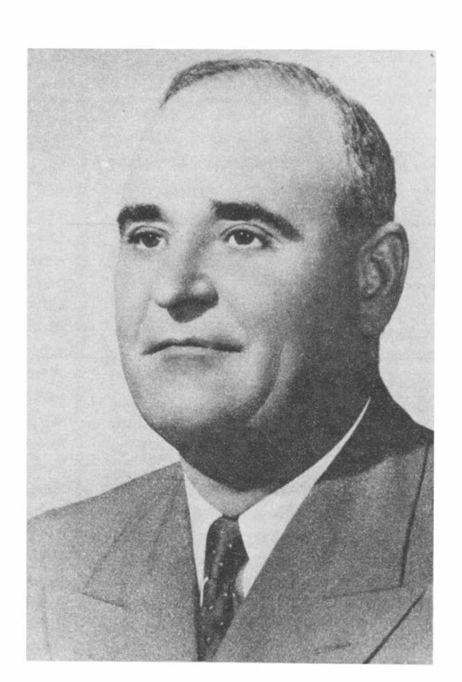
«ОГОНЕК». Как будет вести себя человек во время первого космического полета к далеким мирам? Ведь у него еще нет опыта таких путешествий?

— Опыт — это не только то, что уже накоплено, создано, воплощено в каких-то знаниях, в технических средствах, в системе навыков или даже в нормах поведения. Опыт охватывает и будущее. Это и опыт предвидения, это — само предвидение. Потому-то мы и говорим сейчас о будущих условиях, открывающихся перед человеком в космосе, мы можем их предвидеть.

Вспомните, как, теоретически обосновав действие невесомости, ученые смогли создать ее в земных условиях и подготовить к ней человека.

По-видимому, мы можем предусмотреть то, с чем встретится человек, так сказать, в широком космосе. Вероятно, удастся и заранее воспроизвести близкие к ожидаемым условия других планет. Человек в космосе не будет беспомощен. Все, что мы сможем сделать, мы сделаем для него на Земле.

ТРАУРНЫЕ СТЯГИ НАД РУМЫНИЕЙ

Народная Румыния в большом трауре: 19 марта в 17 часов 43 минуты перестало биться сердце Первого секретаря ЦК Румынской рабочей партии, Председателя Государственного совета товарища Георге Георгиу-Дежа. Это был пламенный революционер, смелый руководитель румынского рабочего класса во времена королевско-буржуазного правления, пронесший верность марксизму-ленинизму сквозь тюрьмы и концентрационные лагеря старого мира. Это был талантливый организатор социалистического строительства в новой Румынии, уважаемый деятель международного коммунистического и рабочего движения, большой друг Советского Союза.

Гроб с телом товарища Георге Георгиу-Дежа был установлен в здании Государственного совета Румынской Народной Республики. Нескончаемым потоком шли люди, чтобы проститься с первым руководителем социалистической Румынии.

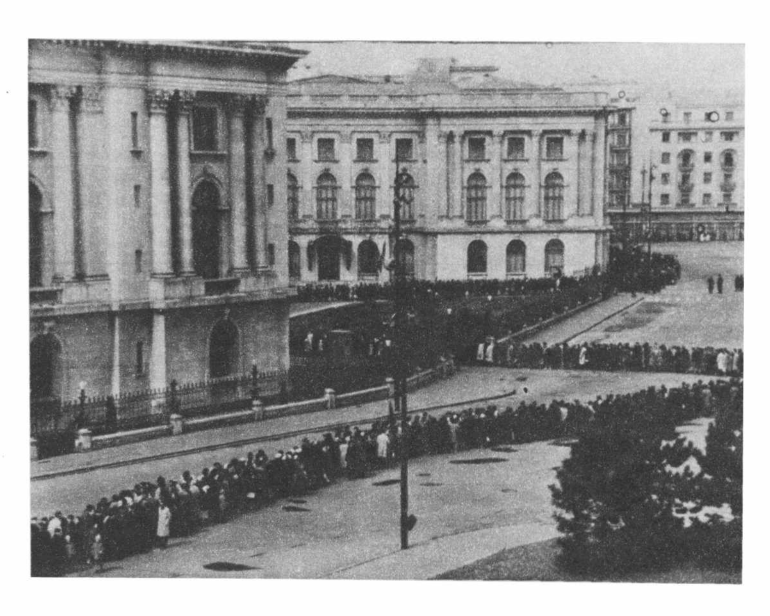
В день похорон 24 марта 1965 года на три минуты прекратили работу все промышленные предприятия и стройки страны, остановились поезда, морские и речные суда, все виды другого транспорта и пешеходы. На три минуты были включены сирены локомотивов, пароходов, фабрик и заводов. Двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами в столице и во всех областных центрах страна салютовала выдающемуся партийному и государственному руководителю товарищу Георге Георгиу-Дежу.

Советские люди с большой болью переживают вместе со всем румынским народом эту тяжелую утрату.

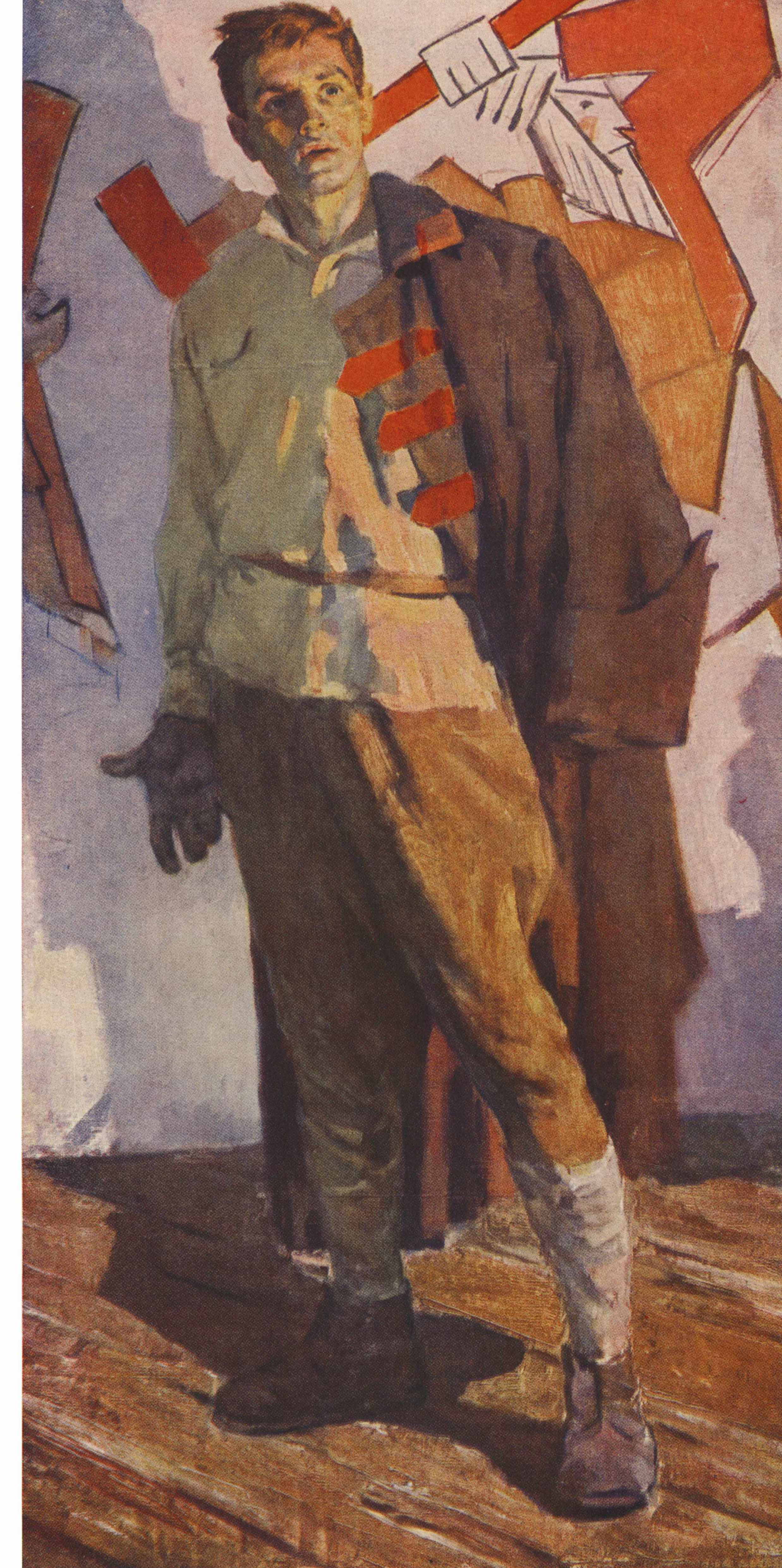
Ф. ВИДРАШКУ

Бухарест. По телефону.

Нескончаемым потоком шли люди к гробу с телом товарища Георге Георгиу-Дежа.

Л. Кривицкий (Ленинград). ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ.

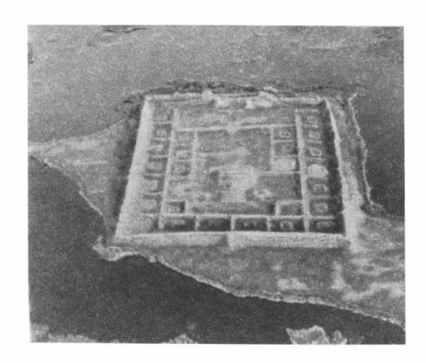

ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Л. Кабачек (Ленинград).

И СНОВА ВЕСНА.

Пор-Бажин. Снимок с самолета.

КРЕПОСТЬ НА ОСТРОВЕ

В 1954 году в журнале «Огонек» был опубликован очерк Е. Рябчикова «Енисей — голубая дорога». Рассказывая об озере Тере-Холь, лежащем в верховьях Енисея, автор писал: «Множество больших и малых заболоченных островов разрезает Тере-Холь, и на самом большом из них видны четкие прямоугольные очертания крепости... Археологам предстоит разгадать тайну старинных стен, возведенных в истоке Голубой реки».

И вот теперь тайна разгадана. Один из отрядов Тувинской экспедиции Академии наук СССР — возглавляет экспедицию профессор Л. П. Потапов — в содружестве с учеными Тувы произвел раскопки на острове озера Тере-Холь. Об этой работе рассказал нашему корреспонденту руководитель раскопок кандидат исторических наук Севьян Израилевич Вайнштейн.

С давних пор воображение ученых занимал «Чертеж земли Красноярского города», составленный по повелению Петра I служивым человеком из Тобольска Семеном Ремезовым. На нем у истоков Енисея был обозначен «город каменный, старой, две стены целы, две развалили». Это казалось маловероятным. Никто из побывавших в тех краях города там не видел. В конце прошлого столетия русский ученый Д. А. Клеменц решил проверить карту Ремезова, отыскать загадочный город. Через горные перевалы, бескрайними степями, таежными охотничьими тропами добрался он до озера Тере-Холь и на одном из островов увидел развалины старинной крепости, которую местные жители называли Пор-Бажин — «Глиняный дом». Так вот он, город Ремезова!

Клеменц на плоту достиг острова. Ученого поразили толстые, десятиметровые глинобитные стены, огромные ворота, грозные привратные башни. Внутри крепости он обнаружил два поросших густой травой холма. Что скрывалось под ними? Кто и когда построил крепость? Ответ могли дать только раскопки. Но произвести их Клеменц не имел возможности. Это сделала наша экспедиция.

Крепость Пор-Бажин представляет собою правильный прямоугольник длиною 211 и шириною 158 метров. С внутренней стороны к стенам крепости примыкали жилые и служебные постройки, а земляные холмы скрывали остатки некогда величественного дворца.

Можно представить, какое сильное впечатление некогда производил Пор-Бажин на посетителя. Миновав стражу у ворот, он попадал в широкий двор. Затем пересекал двор и через узкие ворота во внутренней стене выходил на центральную площадь. Тут перед ним возникал сверкающий белизною, поражающий четкими, строгими линиями дворец. Две широкие парадные лестницы вели в него. Более тридцати колонн, покоившихся на гранитных базах, поддерживали черепичную кровлю, увенчанную по краям дисками из керамики. Во дворце было множество комнат, разделенных оштукатуренными, украшенными яркими фресками перегородками.

При раскопках мы нашли обломки керамической и каменной посуды, железные гвозди, ритуальную глиняную статуэтку. В тайнике одного из подсобных помещений лежали кузнечные заготовки. На некоторых из них сохранились еще не расшифрованные знаки.

Нам удалось установить, что крепость Пор-Бажин сооружена в VIII веке уйгурами, завоевавшими к тому времени огромные территории Центральной Азии.

Несколько десятков лет назад в долине реки Селенги был найден камень. Высеченная на нем надпись от имени могущественного уйгурского кагана Моюн-Чура гласила: «В год тигра (750 год) пошел в поход против чиков.... сразился я у реки Кем (Енисей). В тот же год чики подчинились. Потом там у ключа я распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец, там я заставил построить крепостные стены». Нет сомнения, что Пор-Бажин и есть бывшая резиденция Моюн-Чура.

Однако, чтобы возвести такое огромное сооружение, потребовались сотни тысяч тонн строительных материалов. Трудно поверить, что их доставили на остров плотами или лодками. Но, может быть, во время строительства крепости озера не существовало? Эту загадку еще предстоит решить.

Л. КАФАНОВА

РЕЗЧИК ПО ДЕРЕВУ

В Центральном парке города Коканд в тени тополей и кленов стоит дворец Худояр-хана. Сейчас здесь находится городской исторический музей.

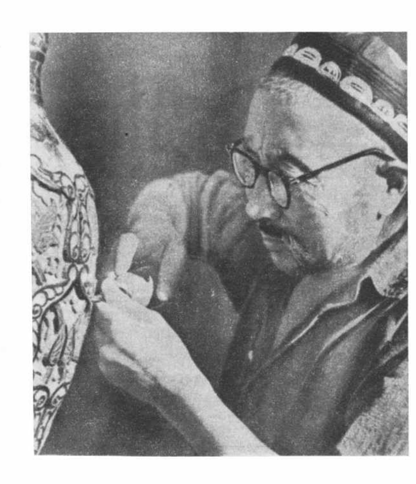
Посетители музея всегда останавливаются у резного столика. На небольшой табличке надпись: «Резной стол и стульчик были подарены в 1924 году Владимиру Ильичу Ленину резчиком по дереву Кадырджаном Хайдаровым».

Где сейчас этот резчик, как сложилась его судьба? В художественных мастерских города мне сказали, что Кадырджан Хайдаров и теперь живет в Коканде, дали его адрес.

...Меня встречает народный художник Узбекистана Кадырджан Хайдаров.

За традиционным угощением возникает беседа. Старый художник вспоминает годы своей юности. Ему сейчас 65 лет, прожил он трудную и очень интересную жизнь.

Резьбой по дереву занимались и дед и отец художника. Мальчишкой перенимал Кадырджан у отца трудное искусство. На создание изделия уходили иногда годы, а богачи платили за него гроши.

Но вот в Узбекистане утвердилась Советская власть. Люди потянулись к культуре, к знаниям. Молодой художник стал служить своим искусством народу.

— Мне очень хотелось увидеть Владимира Ильича Ленина,— рассказывает Хайдаров.

В начале 1924 года Хайдаров поехал в Москву: повез в подарок Владимиру Ильичу резной стол и стулья орехового дерева.

Но повидать Ленина художнику не удалось. Его приняла Надежда Константиновна Крупская. Эта встреча в Горках запомнилась Хайдарову на всю жизнь.

40 лет отдал художник творческой работе, научил своему искусству десятки молодых мастеров. Правительство республики присвоило Хайдарову звание народного художника Узбекистана.

А. ТАНАШЕВИЧ

ВЫШЛИ В ФЕВРАЛЕ

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

О. Писаржевский. В огне скитаний.

Это книга о выдающемся ученом Н. Н. Семенове — директоре Института химической физики, вице-президенте Академии наук СССР. Но это не жизнеописание Н. Н. Семенова, а повесть об одном открытии, разработка которого заполнила целую жизнь человека, создала эпоху в развитии величайшей кудесницы наших дней — многоликой науки химии.

П. Чередниченко. Дочь России.

Недалеко от древнего русского города Торопца, в небольшом селении Волок, в 50-х годах прошлого столетия родилась героиня этой книги Елизавета Лукинична Дмитриева-Томановская. С юношеских лет она на революционном пути. Она встречается с Марксом и Энгельсом, участвует в создании русской секции I Интернационала. Тяжело раненной на баррикадах, ей с трудом удается пробиться на родину. Царская охранка преследует ее... Перед читателем проходит сложная, героическая жизнь Дмитриевой-Томановской, одной из первых русских революционерок.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. Дильбази. Яблоневая ветка.

Первая книга стихов М. Дильбази на русском языке была выпущена в 1941 году. Ее редактором был требовательный и тонкий ценитель поэзии Вл. Луговской. Он уже тогда поверил в творческие возможности азербайджанской поэтессы. Теперь Дильбази — автор многих книг, получивших признание читателей и критики. В сборнике «Яблоневая ветка» есть стихи о сегодняшнем Азербайджане и очень яркий цикл «На русской земле», философские миниатюры и исполненная большой силы и грусти поэма «Мехсети». На русский язык книгу перевел Г. Регистан.

Г. Фиш. Избранное.

Уже более тридцати лет выходят книги Г. Фиша. Он начинал как поэт, но уже первое значительное произведение, «Падение Кимас-озера», определило истинные пристрастия автора. Г. Фиш посвятил свое творчество прекрасной Карелии. В его романах, повестях, рассказах, очерках мы находим и романтику героических подвигов в годы гражданской войны и серьезный анализ экономической и политической жизни Финляндии. В новую книгу Г. Фиша вошли роман «Мы вернемся, Суоми!», цикл новелл «Ялгуба», повесть «По дороге в Сегежу» и очерки.

Правда есть!

«Последний снег» — так называется очерк, опубликованный в «Огоньке» в 1963 году (№ 15). Это был рассказ о любителях побряцать кругленькой цифрой временного успеха, о старых схемах в методах руководства сельским хозяйством в Котовском районе, Одесской области.

Поводом для очерка послужило письмо в «Огонек» директора элитно-семеноводческого хозяйства «Путь к коммунизму» Евгения Николаевича Девятисильного.

Еще тогда, осенью 1962 года, коммунист Девятисильный восстал против руководства сельским хозяйством с «позиций силы». К середине октября элитсемхоз уже продал почти четыре плана зерна, в том числе почти восемь планов кукурузы, но Котовский райком партии потребовал сдать еще дополнительно 12 тысяч центнеров зерна. На размышление и вывозку дали сорок восемь часов. Девятисильный не вывез. Его исключили из партии. Девятисильный говорил: не доверять специалистам, руководителям хозяйств — значит рубить сук, на котором сидим. Ему ответили: неправильно повел себя...

Минули два года, очень трудные два года. И снова редакция получила письмо от Евгения Николаевича. Он рассказал, что произошло с хозяйством и с ним лично за это время. А произошло такое, что письмо опять позвало в Котовск.

Н. БЫКОВ, Л. ЛЕРОВ

— Дался он вам, этот Девятисильный!.. Почему такое внимание ему? Непонятно...

Признаться, мы не поверили, что начальнику Котовского производственного управления Павлу Дмитриевичу Илюхину непонятно, почему «Огонек» собирается второй раз писать о Девятисильном. Уж кто-кто, а он должен понимать, чем вызван наш приезд в Котовск. Но вот слушаешь Илюхина и диву даешься:

— Говорят, сдавай зерно, — значит, надо, сдавай. Лично я так привык... Ни о каком плане и речи нет — в уборку нам дают цифру, вот ее и держись. Я, как солдат, так понимаю. А Девятисильный много рассуждает. Он и мне както целый меморандум прислал. Свои мысли изложил. А к чему? Был бы умнее — не писал бы...

Начальник производственного управления, член бюро горкома партии, сам того не заметив, убедительно ответил на свой вопрос.

Был бы умнее — не писал бы... Не оставлял бы следов своих сомнений, разногласий с руководством. И кому пишет? Тому, с кем не согласен, с кем спорит... Чудак! Умнее промолчать... Глаза Павла Дмитриевича наливаются смехом, он уверен в превосходстве своей философии.

Сразу же после опубликования в «Огоньке» очерка «Последний снег», написанного по письму Е. Н. Девятисильного, некоторые доброжелательные председатели колхозов говорили Евгению Николаевичу: «Написано правдиво, но, смотри, эта правда так тебе не пройдет!..» Что-то в этом роде говорили ему и иные районные работники, разумеется, дружески похлопывая по плечу. Нет, не может быть, не верил директор. Да и как было верить? Директором он остался, исключение из партии в обкоме не утвердили, выступления журнала никто не опровергал. Да разве у нас может быть человеку худо, если он обратился с раздумьями в печать?

И все-таки, как это ни противоестественно, отношение к директору резко изменилось именно в том, 1963 году. Возвращается Девятисильный в конце июля того же года из отпуска, а его встречают словами: «Вы уже не директор...» Как так? Ключи от кабинета у главного агронома Н. К. Гонтаря: «Ничего не знаю, поезжайте в Одессу, в институт». А надо напомнить, что хозяйство у Девятисильного специализированное, подчиняется непосредственно Одесскому селекционно-генетическому институту имени Т. Д. Лысенко. (Да, имени... Почему-то в Одессе сохранили эту вывеску, так нетактично сформулированную при живом ученом.) Во главе института стоит А. С. Мусийко, член-корреспондент ВАСХНИЛ. Это он приезжал в октябре 1962 года в Котовск и самолично помог райкому сломить сопротивление Девятисильного, оставив скот почти без кормов. Это он вскоре после того, как стали сгущаться тучи над ершистым Евгением Николаевичем, назначил заместителем директора по производственной части и главным агрономом Гонтаря — человека, против которого активно возражал Девятисильный. Возражал потому, что знал уже, что Гонтарь — организатор невысокой квалификации, знал уже, что ему вынесли партийное взыскание, а недавно сняли с поста председателя колхоза. А. С. Мусийко не внял. Между прочим, личное дело Гонтаря в элитсемхоз почему-то пришло только через полтора года после его назначения. Личное дело оказалось прелюбопытным: агроном сменил за девять лет пять хозяйств, побывал в семи должностях. Под стать ему главный зоотехник Н. В. Сотская, назначенная волею А. С. Мусийки в дни того же злополучного отпуска в 1963 году безо всякого на то представления со стороны директора хозяйства. И снова странное стечение обстоятельств: личное дело Сотской пришло в хозяйство через год. И снова малоприятные открытия: зоотехник сменила за десять лет три области (диапазоном от Вологды до Одессы), семь хозяйств. Нам рассказали доярки, что на фермах главный зоотехник появляется частенько уже после дойки. Мы побывали на производственном совещании свинарок. Речь шла об итогах месяца, о дисциплине. Казалось, сейчас поднимется главный зоотехник, скажет, какие у нее требования, советы. Не поднялась, не сказала. Может, ей неудобно требовать от других, когда сама грешна... Да, бывают у Сотской и прогулы по три дня (мы проверили табель выхода на работу). А вот стиль работы директора, человека педантичного, очень требовательного, Сотскую не устраивает. Директор то и дело письменно напоминает главному специалисту: «Нечем кормить свиней... надо беречь корма... представьте рационы и не забывайте об этом никогда... цифры не обоснованы, не обижайтесь — филькина грамота...» Сотской представился редкий случай: научиться работать, овладеть элементарной профессиональной грамотой и минимумом организаторских навыков. А она обижалась, писала жалобы, предпочитала склоку. Вот ее кредо: «Стиль руководства здесь не по мне, нечего меня учить записочками, они оскорбительны, я скорее соглашусь на мат, чем на эту писанину...» Ну, знаете, кому что!..

Мы несколько подробнее остановились на характеристике двух этих специалистов лишь потому, что они **главные** специалисты — две руки директора, и еще потому, что их своею властью назначил директор института (его любимый довод: «Я их нашел!..» Вроде «я их породил». А стоило ли уж так трудиться?!). И еще потому, что именно они — Гонтарь и Сотская — внесли разлад в коллектив, привели к событиям, о которых речь пойдет дальше.

Вернемся к августу 1963 года. А. С. Мусийко тогда не подтвердил увольнение Девятисильного— юридически это было бы нелегко сделать. Он ограничился приказом № 122 от 5 августа 1963 года: строгий выговор с предупреждением... Спросите, за что? Было бы, как говорится, желание, а повод найдется. На бумаге его сформулировали так: за неправильную расстановку кадров (разумеется, имелись в виду не те главные специалисты, которых сам Мусийко назначил. Это был намек на поистине оздоровительную расчистку, которую провел Девятисильный, ликвидируя последствия реорганизации четырех колхозов в совхоз специального назначения); за неплановое строительство производственных объектов, жилья, школы, детского сада (святые нарушения!); за грубость со специалистами и самовосхваление (уж не письмо ли в «Огонек» имелось в виду?). Ну, что сказать по поводу последнего пункта приказа № 122 — грубость? Надо знать Евгения Николаевича, чтобы увидеть, как это несправедливо. И, наоборот, надо совсем его не знать, чтобы подписать подобный приказ. А. С. Мусийко подписал. Нам хотелось понять, почему это произошло, с чем связан такой поворот на 180 градусов? И мы решили пойти по пятам событий.

А события развивались так.

Хозяйство крепло, несмотря на то, что годы были весьма неблагоприятные. В конце 1963 года ЦК профсоюза присудил ему переходящее Красное знамя, приказом министра сельского хозяйства СССР Евгений Николаевич был награжден значком «Отличник социалистического сельского хозяйства».

К 1 ноября 1963 года были значительно перевыполнены годовые планы продажи зерна, мяса, молока, подсолнечника и других продуктов. Даже производственное управление, которое не включает показатели элитсемхоза в свои регулярные сводки, представило коллектив на областную доску почета. Но в какой-то инстанции из списков передовиков его вычеркнули. Кто-то наплевал в душу коллективу, одолевшему жестокую засуху. Но, может быть, директор института вступился за подопечное хозяйство? Нет, не вступился. Может быть, вступились руководители района, тот же П. Д. Илюхин или секретарь тогдашнего парткома Ф. С. Цвиловский? Нет, не вступились, на этот раз молчали и они. «Наше дело представить...» Не правда ли, странная объективность?

Новая беда пришла с новым выступлением в печати. Газета «Известия» опубликовала в июне 1964 года статью Евгения Николаевича «Требовать и доверять». Через неделю в хозяйстве появился А. С. Мусийко, он захватил с собой директора, и поехали они в Котовск, к секретарю парткома. Товарищ Ф. С. Цвиловский в присутствии А. С. Мусийки, председателя райисполкома А. П. Запольского и тогдашнего парторга элитсемхоза Л. М. Яновского долго выговаривал автору за статью в газете. Газета лежала тут же, статья была испещрена толстыми гневными подчеркиваниями. О чем шла речь? Теперь восстановить трудно. А. С. Мусийко и А. П. Запольский ссылаются на «миллионы слов», сказанных за те часы, и на плохую память. Но Евгений Николаевич помнит. Самый тон разговора был нетоварищеский, придирчивый. А за что? Да все за те же «свои мысли», которые Девятисильный высказывает не по ночам в подушку, а

вслух, стараясь помочь партии, обществу лучше организовать работу на селе. Но... «умнее был бы — не писал бы». Яновский припоминает, что Мусийко якобы шутя говорил Евгению Николаевичу: «Ну что ты так часто пишешь?» Ему вторил Цвиловский. Смысл «миллионов слов» сводился к немногим немудрящим: «Не петушись. Надо уметь жить, уметь сосуществовать!» И, назвав статью Евгения Николаевича бесполезной, даже глубоко ошибочной, секретарь парткома то ли в форме совета, то ли в форме иной, более категорической (сказаны ведь были «миллионы слов», где уж тут запомнить!), пожелал коммунисту Девятисильному «поменьше писать».

Как же развивались события дальше, после той душеспасительной беседы?

Надо сказать, что минувший год был, как и 1963-й, годом жестокой засухи. Землю в сушь поразрывало — ладонь проходила в трещины. А в уборку небо как прорвало: хлынули дожди. Да, бывает так... И руководителю, специалистам хозяйства, всем, кто работает в поле, нужно иметь огромное самообладание, чтобы не опустить руки, а, наоборот, мобилизовать знания, опыт, энергию и выстоять перед натиском стихии, вырастить и убрать урожай. Коллектив хозяйства «Путь к коммунизму» выстоял.

Именно в конце такого сложного года Девятисильный почему-то снова попал под обстрел. Невыносимую атмосферу склок усугубляли те два главных специалиста, о которых шла речь выше. «SOS — Девятисильный!» Кривотолки делали из мухи слона: у шепота громкое эхо...

И все это на глазах у рабочих и работниц, не считаясь с интересами элитсемхоза, вопреки мнению актива, партийного бюро и рабочего комитета.

Это было 16 ноября, после того, как в хозяйстве закончили уборку свеклы. Партбюро решило заслушать отчет заместителя директора по производству, главного агронома Н. К. Гонтаря. Он отчитываться не пожелал: не имеете, мол, права. Да и времени дали на подготовку доклада всего четыре дня — и хлопнул дверью. Обиделся, ушел с бюро. Осудив такое поведение коммуниста, партбюро перенесло отчет на 30 ноября. После слабенького, несамокритичного доклада члены партбюро высказали главному агроному все, что они думали о его организаторских способностях. Партбюро признало работу Гонтаря неудовлетворительной, строго предупредило его. В те же дни на заседании рабочкома обсудили доклад главного зоотехника Сотской. И ей дана была справедливая оценка: трудится без души, недисциплинированна.

В те же дни — причем почти одновременно — и главный агроном и главный зоотехник демонстративно (вот, мол, каков он, Девятисильный!) подают заявление А. С. Мусийке с просьбой освободить их от работы по собственному желанию. Директор института их не освободил, а дружные заявления воспринял как сигнал к наступлению против Девятисильного. Он тут же, 8 декабря, приехал в хозяйство, собрал узкий круг руководителей и специалистов и занялся — тоже весьма своеобразно — разбором конфликта. Для начала похвалил своих ставленников, приписал их радениям успехи хозяйства в 1961—1962 годах, хотя упомянутых выше специалистов тогда еще и духу здесь не было. Все, кто был на том совещании, говорили о неблагополучии в коллективе, о моральном уроне, нанесенном хозяйству главными специалистами, но А. С. Мусийко стоял на своем: они, мол, двое хороши, остальные спелись с Девятисильным.

Таким образом, ученый, вместо того чтобы глубоко и заинтересованно проанализировать работу хозяйства по отраслям, рассудил конфликт по принципу: успехи — результат деятельности не одного директора, а в основном главных специалистов; неудачи же, промахи — дело рук одного Девятисильного, который и вправду отвечает за все. Принцип, удобный для любых случаев жизни.

Через неделю А. С. Мусийко вызвал директора, парторга и главного агронома в Одессу, в институт, и заявил, что после всего случившегося (?) вынужден снять Девятисильного с работы. Но тут главный агроном испортил обедню. Встал и сказал: «Я никаких претензий к Евгению Николаевичу не имею...» Как говорится, ударили по рукам, замирились.

Конечно же, никакого мира быть не могло. Его и не было.

С 1 января 1965 года Евгений Николаевич ушел в отпуск. И, как это уже было однажды, в дни отпуска... Расскажем по порядку. 8 января А. С. Мусийко прислал свой приказ № 193, подписанный... 19 декабря, то есть на второй день после «мира», заключенного в его кабинете. С одной стороны, так странно, а с другой — так понятно. И прислал-то он свой приказ лишь на двадцатый день после его подписания. Невольно приходит на ум: неужели опять ждал отпуска? О чем гласил приказ? «...В последнее время (а прошел целый месяц!) подали заявления об уходе» главные специалисты, и вот, учитывая «нездоровое отношение к специалистам хозяйства» (а факты, где факты?) «...предупредить в последний раз...»

С приказом ознакомились все специалисты, человек двадцать. Кроме двух главных, все возмущены. Возмущены партбюро и рабочком — такое вероломство, ведь А. С. Мусийко призывал их «не мутить воду», восстановить «мир», хотя в этом-то уговаривании и таилась опасность новых кляуз, конфликтов!

12 января А. С. Мусийко снова вызвал к себе главного агронома и предложил ему... пост директора. Гонтарь, ничтоже сумняшеся, дал согласие. 15 января А. С. Мусийко вызвал парторга Ивана Васильевича Деревянко и официально его известил: как только Девятисильный вернется из отпуска, он будет снят с работы. Точка. Иван Васильевич, зная мнение на сей счет партийной организации, всего коллектива, поехал в Котовск, к секретарю парткома Ф. С. Цвиловскому: «Что делать? Не за что снимать Девятисильного. Да и Гонтарь не фигура. Может быть, бюро срочно собрать и выразить свое отношение?..» Но Цвиловский не поддержал, более того, осудил: «Наше дело сторона, пусть институт решает».

Евгений Николаевич еще не вернулся из отпуска, оставалась неделя, нет, меньше. И тогда Иван Васильевич Деревянко, партийный секретарь, собрал бюро. Он попросил высказаться честно, открыто, по-партийному каждого члена бюро по поводу создавшейся ненормальной обстановки. И товарищи сказали о Девятисильном все, что думают о нем как о коммунисте и директоре государственного предприятия. Люди выступали зрело, мужественно, бескомпромиссно в своих суждениях. Они были далеки от мышиной возни: им слишком дороги интересы родного хозяйства, государства и народа в целом. Оценке, которую дало партбюро директору Е. Н. Девятисильному, мог бы позавидовать любой руководитель предприятия: есть у него недостатки личного порядка (о них открыто сказали Девятисильному), но он грамотен, смел, энергичен, верен долгу коммуниста. И вот тогда, рассказывал нам позднее Иван Васильевич, я поехал со всеми бумагами, с этим решением в Одессу. Но А. С. Мусийко был непреклонен: «Что ж, что бюро высказалось? Вы не можете решать таких вопросов. Директором он не будет! И никакого голосования! Или он, или я!»

Знакомая постановка вопроса. Это когда нет никаких оснований для самоуправства, в ход пускают амбицию.

До нашего приезда Мусийко твердо стоял на своем.

...Мы встретились с Александром Самсоновичем в день его возвращения с республиканского совещания передовиков сельского хозяйства. Товарищи, ездившие вместе с ним в Киев, говорили: «Разговор о Девятисильном и там был. Директор института непреклонен: освободит от работы!» И мы полагали, что нам предстоит большой спор. За пять дней жизни в элитсемхозе в наших блокнотах накопились записи бесед более чем с сорока рабочими, работницами, специалистами, рядовыми членами партии и членами партбюро. И если не считать трех-четырех «обиженных», весь коллектив единодушно выразил свое удивление и возмущение той атмосферой, которая создана вокруг директора. Мы сказали обо всем этом А. С. Мусийке, ожидая с его стороны резких возражений. И вдруг...

— Хорошо что приехали, помогли нам! Что еще посоветуете сделать? Гонтарь не подходит — снимем. Он, сам хочет уйти? Так я его сейчас же отпущу! Сотская мешает, создала невыносимую атмосферу? Придет время—и Сотскую освободим, не сразу же... Что еще надо сделать? Мне дорог Девятисильный — я для него как отец родной... Ведь это я ему и премий не жалел, я ему дом построил...

Не знаем, чем объяснить такую перемену в А. С. Мусийке. Может быть, стремлением к покою? А может, спецификой творческого лица? Как раз в те дни писатель Марк Поповский писал в «Советской России», обращаясь к директору Одесского института: «Скажите, пожалуйста, доктор сельскохозяйственных наук Александр Самсонович Мусийко, не кажется ли вам несколько странным, что вы, известный враг... гибридной кукурузы, полученной с помощью самоопыленных линий, оказались в одном списке (награжденных — **Н. Б., Л. Л.**) с теми, кого вы многократно поносили в речах и статьях, кому попросту мешали работать?.. Как совместить понятие о чести ученого с тем, что исследователь получает награды за работу, которую сам не одобряет?..»

Не знаем, не хотим искать психологических объяснений неожиданно резкой перемены точки зрения ученого на директора подопечного хозяйства. Нас волновало другое. Сказать об этой перемене надо бы не только нам, но и Девятисильному. И не с глазу на глаз, а перед лицом коллектива. И мы прямо высказали наше суждение А. С. Мусийке: нужно поехать в хозяйство. Ученый обещал нам. Мы ждали неделю, две, три... Он не поехал. Вот это-то и нехорошо, нелогично.

И еще один штрих. Изучая конкретные экономические условия развития сельского хозяйства в области, испытывая понятную тревогу за судьбы земледелия и животноводства, молодой экономист Девятисильный обращался к ученому за советом, помощью. И чем тот помог? Хотел Евгений Николаевич выступить на сессии ВАСХНИЛ в защиту яровой пшеницы как гарантийного хлеба еще в 1963 году! Мусийко не разрешил. Хотел Евгений Николаевич затеять разговор в печати о непременности паров в засушливой зоне юга Украины, ему в ответ: «Опозоришь институт!» Почти полгода хозяйство работало на принципиально новой организационной основе, продуманной Девятисильным, но А. С. Мусийко повернул течение нового в старое русло, убоявшись потерять десяток «штатных единиц», оказавшихся не у дел. Выступал Евгений Николаевич в печати против администрирования, против мелочной опеки и недоверия. Его за это первым осудил А. С. Мусийко.

Почему мы так подробно рассказали обо всем, что нам открылось в Котовске и в Одессе?

Ричард III у Шекспира провозгласил: «Кулак нам — совесть, и закон нам — меч».

Время это прошло. Безвозвратно. И порукой тому новое, которое одолевает в принципиальной борьбе старое, несовместимое с нашей партийностью, с нашей моралью, со всем укладом нашей советской жизни. Но, видимо, не везде и не все это поняли.

...Нам несколько раз пришлось слышать в Котовске, в элитсемхозе: нет, мол, ее, правды. Писал вот, боролся Девятисильный, и его же чуть не выгнали... Страшный вывод, неправильный по самой своей сути. Есть правда! И есть именно потому, что живут на земле такие люди, как Е. Н. Девятисильный, как все те — мы знаем каждого из них по имени и отчеству,— кто встал в элитсемхозе на его защиту, кто с болью в душе говорил нам: «Да как же можно поднимать руку на такого человека?» Это они отстояли его — специалисты, механизаторы, животноводы, люди, которым пришелся по душе интеллигентный, знающий, несгибаемо принципиальный директор-коммунист. А. С. Мусийко решил уладить «недоразумение», по его словам, тихо-мирно. Нет, не втихомолку, а во весь голос надо сказать: правда есть, она не всегда и не всем бывает приятна, но от этого она не перестает быть правдой, торжество которой неминуемо.

17

Они сидели на теплом, нагретом солнцем песке. В нескольких шагах вкрадчиво шуршал прибой. Легкие волны лениво перекатывали мелкую прибрежную гальку.

Оба, казалось, все еще не верили в реальность происходящего. Ведь с тех пор, как они говорили последний раз, минуло почти три года. Тогда, расставаясь с Одзаки, Рихард считал, что их пути вряд ли сойдутся вновь. Такое же чувство было и у Одзаки. На прощание он сказал:

— Надежд на скорую встречу, видимо, мало. Но я хочу, чтобы вы всегда помнили: в Японии у вас есть искренний друг.

И вот они снова вместе.

В памяти Зорге неожиданно четко, во всех подробностях возник тот вечер, который соединил их судьбу воедино. Это было в Шанхае, где Зорге принял первое боевое крещение разведчика...

Восемнадцатого сентября 1931 года около десяти часов вечера путевой обходчик-китаец шел по полотну Южно-Маньчжурской железной дороги в нескольких километрах севернее Мукдена. Неожиданно в опустившихся сумерках он заметил несколько фигур, суетившихся около небольшого моста через пересохший поток. Железнодорожник ускорил шаг. Но приблизиться к незнакомцам так и не успел — через несколько секунд мост взлетел на воздух. Грянул взрыв, который послужил сигналом к началу японского вторжения в Маньчжурию.

Япония, которой принадлежала эта дорога, выдала спровоцированную ей же диверсию за дело рук китайских партизан и воспользовалась этим предлогом для немедленной агрессии. В течение сорока восьми часов японские войска оккупировали всю южную Маньчжурию, включая Мукден, Аньдунь, Чанчунь и ряд других крупных городов Северо-Востока Китая. Это была прелюдия гигантской военной эпопеи на Тихом океане, которой суждено было закончиться через полтора десятилетия атомной трагедией Хиросимы и Нагасаки.

Весть о начале японской агрессии застала Рихарда на его шанхайской квартире. Вот уже более полутора лет под видом корреспондента он жил в этой «космополитической столице Азии» — огромном городе-гибриде, где роскошь и помпезность иностранных сеттльментов беззастенчиво уживались с ужасающей нищетой китайских кварталов-трущоб.

Выбор Шанхая в качестве места для работы Зорге был сделан далеко не случайно. На протяжении десятилетий этот город был форпостом международного капитала в Азии. Здесь скрещивались интересы крупнейших империалистических хищников: США, Японии, Германии, Англии, Франции. И именно здесь было легче всего проникнуть в их планы. Рихард систематически информировал Москву о политике японского, американского и английского империализма в Китае. При всех противоречиях между этими тремя империалистическими державами их объединяло стремление сохранить в Китае полуколониальное состояние. Они поддерживали гоминдановскую реакцию. Рихард сообщал в Центр обо всех шагах, предпринимаемых империалистическими державами для помощи чанкайшистскому режиму в его борьбе против Красной Армии Китая, раскрывал планы Чан Кай-ши, направленные против Советского района в провинции Цзянси. Эта информация имела огромное значение для китайской Красной армии. Особое внимание Зорге уделял планам японского империализма против китайского народа и против Советского Союза, понимая, что агрессия против Китая — подготовка плацдарма для нападения на Советский Союз. Он сообщал также об антисоветских планах империалистических держав в Китае.

Это была прекрасная школа, которая многому научила Рихарда, закалила и подготовила его для будущей работы в Токио.

Часов около одиннадцати вечера на квартире Зорге раздался телефонный звонок.

— Хэлло, коллега! Только что получена телеграмма из Токио,— хрипел в трубке голос знакомого корреспондента агентства Рейтер,— большая заварушка в Маньчжурии. Японцы начали оккупацию Северо-Востока.

Да, Зорге ждал этой «сенсации». И звонок английского коллеги не был для него неожиданностью. Вот уже несколько месяцев Рихард направлял в Центр сообщения, предупреждавшие о возможности такого поворота событий.

Многочисленные данные, собранные Рихардом за время работы в Шанхае, подтверждали, что японский империализм, пользовавшийся в годы первой мировой войны неограниченной свободой рук в Китае и потерявший эту свободу после ее окончания, мечтает о реванше.

Однако вернуть потерянное было не такто просто. Американский капитал, устремившийся широким потоком к берегам Янцзы, сметал на своем пути менее могущественных конкурентов. Как молодые побеги бамбука после обильных весенних ливней, стали расти в Китае финансовые представительства США. Жирные куски от китайского пирога по-прежнему заглатывали и западноевропейские монополии. Во всей этой своре империалистических хищников Японии отводилось далеко не лучшее место. И вот в стране Восходящего Солнца был разработан свой особый метод грабежа. Японская военщина решила попросту отторгнуть часть территории Китая, превратить этот район в свою вотчину, стать там единоличным и неограниченным хозяином.

Но японские агрессоры рассматривали Маньчжурию не только как богатейшую природную кладовую. Еще в Москве, в кабинете у Старика, Зорге ознакомился с текстом меморандума, который был представлен японскому кабинету одним из крупных военных стратегов — генералом Танака. В этом документе говорилось, в частности, о том, что захват богатейших ресурсов Китая и за ним Индии, стран Малой и Центральной Азии позволит японскому империализму осуществить свое нападение на Советский Союз.

«В программу нашего национального развития,— подчеркивал генерал,— входит, по-видимому, необходимость снова скрестить мечи с Россией».

Этот меморандум был датирован серединой июля 1927 года. С тех пор милитаристские круги Японии ждали лишь удобного случая, чтобы приступить к осуществлению своих далеко идущих захватнических планов.

И вот сегодня этот момент наступил.

Рихард положил трубку и несколько мгновений сидел, не шевелясь. Память выхватывала из вереницы событий и множества уже известных фактов то, что могло оказаться сейчас самым главным.

В Москве из просочившихся в печать сведений знали о существовании двух тайных планов, разработанных в тиши кабинетов японского генерального штаба. Один из них, под шифром «ХЕЙ», план военной агрессии против Китая, отныне вступил в действие. Другой документ, под кодированным названием «ОЦУ», содержал в себе детали военных операций против СССР. Насколько длительным будет разрыв между началом осуществления двух этих планов? Этот вопрос был, видимо, сейчас самым главным. И поиски ответа на него нужно было начать немедленно.

Через несколько минут Зорге уже сидел за рулем своей машины. Несмотря на поздний час, «город греха», как иногда называли Шанхай иностранные бытописатели, не помышлял о покое. Нескончаемые толпы текли по улицам. Неслись потоки автомобилей — большие черные и белые лимузины, автобусы, такси,— и все они непрерывно гудели. В сутолоке проворно пробирались рикши, тяжело дыша и перебраниваясь друг с другом. Слепящие витрины магазинов разливали на омытый тропическим ливнем, лоснящийся асфальт огромные лужи света.

В конце широкой, обсаженной платанами авеню Жофр Рихард свернул налево и, миновав несколько переулков, выехал на набережную Хуанпу. Здесь, на знаменитом Банде, тесня друг друга, выстроились мас-

ЗОРГЕ

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—12.

сивные многоэтажные здания иностранных банков и компаний. Тяжеловесная архитектура как бы символизировала незыблемость господства международного капитала на китайской земле.

Окна многих контор и оффисов светились. И эта деталь не ускользнула от внимания разведчика. Видимо, там уже проходили экстренные совещания в связи с началом японской агрессии. Конечно, все эти хищники не захотят остаться в стороне, добровольно уступить японцам то, что можно было грабить сообща. Но момент для удара был выбран очень точно. Мировой экономический кризис, достигший к этому времени своего апогея, перепутал все карты финансовых стратегов ведущих империалистических стран. Они были слишком заняты своими внутренними делами, чтобы одергивать японцев. К тому же все они были убеждены: японские милитаристы не ограничатся агрессией против Китая. Они пошлют свои дивизии дальше на север, в Сибирь, на Урал.

Рихард так углубился в свои мысли, что чуть было не проехал мимо нарядного желто-розового здания в стиле барокко, с

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

Рисунок Г. Калиновского.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

большими цветными витражами на окнах. Многие иностранцы хорошо знали дорогу к его массивным дубовым дверям, которые бесшумно распахивались далеко не перед каждым желающим. Здесь помещался один из самых роскошных космополитических шанхайских клубов, «Френч клаб».

Поднявшись по широкой мраморной лестнице на второй этаж, Рихард прошел мимо просторного овального зала, где на качающемся полу кружилось несколько нарядных пар, миновал коридор, ведущий к ресторану. Дальше начинались маленькие гостиные для деловых бесед и встреч в узком кругу. У одной из них Зорге остановился. Здесь обычно собирались, чтобы обсудить последние новости, маститые иностранные корреспонденты. От них всегда можно было узнать кое-что важное. Он уже взялся за ручку, как вдруг услышал за своей спиной шаги.

— Я чувствовал, что найду вас здесь,— смущенно улыбаясь, заговорил, направляясь к нему, невысокий молодой японец в безукоризненном черном костюме и белоснежной сорочке.

Это был Ходзуми Одзаки, лучший японский корреспондент в Китае. Всегда малоразговорчивый и мягко улыбающийся, сейчас он выглядел утомленным. Рихард понял: последняя новость взволновала Одзаки не меньше, чем его самого.

— Надеюсь, немного виски нам не помешает? — добродушно улыбнулся Рихард.

— Напротив, это как раз то, что может привести меня в чувство,— проговорил Одзаки, беря Рихарда под руку.

Они спустились в декорированный под аквариум бар и уселись за стойкой.

— Два двойных виски,— кивнул Зорге бармену.

— Мерси, мсье...

Ходзуми Одзаки родился в семье редактора-журналиста. Он провел свое детство на острове Тайвань, где его отец редактировал газету «Нити Нити Симбун». С детских лет Ходзуми отличался сосредоточенным, аналитическим умом, вдумчивым отношением к окружающей жизни с ее острыми социальными проблемами. У юноши были литературные способности. Его стихотворения, печатавшиеся за подписью Сирокава Дзиро, имели определенный успех. В студенческие годы он увлекся социалистическим учением, читал произведения Маркса, Энгельса, Ленина. Окончив юридический факультет Токийского университета, он стал работать в крупных газетах «Асахи Симбун» и «Осака Асахи» и с 1929 года находился в Шанхае в качестве корреспондента этих газет.

Рихард уже давно присматривался к Одзаки. Чутье подсказывало ему, что этот умный, проницательный и дальновидный человек может стать его помощником и другом. Блестящий журналист, отличный знаток Японии и Китая, Ходзуми, казалось, не разделял энтузиазма большинства своих западных коллег по поводу антисоветских настроений японской военщины. Однако до этой ночи Рихард не имел случая поговорить с ним по душам.

Они просидели всю ночь. Рихард понял: политические взгляды и настроение Одзаки еще не вполне устоялись. Он критически относился к капиталистическому строю — главному источнику всех бед человечества. Он сознавал опасность японского милитаризма, ненавидел фашизм. Но он еще не нашел своего места в общем ряду борцов со всем этим злом.

Задачей Рихарда было восполнить этот пробел, убедить Ходзуми в том, что, помогая Советскому Союзу в борьбе против нависшей над миром фашистской угрозы, он в то же время служит интересам своей страны. И когда он убедился, что достиг своей цели, они договорились о сотрудничестве. Правда, оно оказалось кратковременным. В начале 1932 года Одзаки срочно вызвали в Токио.

По пути в Японию Рихард предвкушал радость встречи с Одзаки. Но в Токио Ходзуми не оказалось: в это время он работал в Осаке. От Вукелича Рихард узнал, что за последние годы он значительно укрепил свое положение журналиста. Его охотно печатали газеты. Имя Одзаки хорошо знали читатели журнала «Современная Япония», издававшегося на английском языке. Вышла его первая книга о Китае, которая сразу привлекла внимание специалистов.

Но вот Одзаки вернулся в Токио. Он стал одним из организаторов «Общества по исследованию восточноазиатских проблем», созданного при газете «Асахи Симбун», политическим деятелем, пользовавшимся большим влиянием и авторитетом...

Рихард задумался. Три года — срок немалый. За это время во взглядах его шанхайского друга могло произойти много перемен. К тому же Рихард теперь должен предстать перед ним в обличье нацистского журналиста. Догадается ли он, что это только маскировка? Сможет ли скрыть свое удивление от посторонних? И как будет вести себя дальше? Возобновит ли их шанхайские отношения или сделает вид, что забыл об их прежних встречах и беседах?

Рихард понимал: нельзя заставить человека стать в ряды антифашистов, если он сам того не хочет. Дело, которому они служат, требует, чтобы ему отдавались полностью, без остатка. Оно подчиняло себе все силы, помыслы, всю волю, энергию, мужество.

Наконец они встретились. И, как тогда, в Шанхае, проговорили много часов напролет, вспоминали прошлое, строили планы на будущее. Вновь и вновь Рихард мысленно взвешивал свои наблюдения. Да, он прав: левые политические настроения Ходзуми не изменились. Он по-прежнему готов помогать Зорге в его работе.

Еще в Шанхае Рихард советовал своему другу ни при каких обстоятельствах не выдавать своих истинных политических симпатий. Любое публичное выражение левых взглядов навсегда закрыло бы перед Одзаки нужные двери, он лишился бы доверия власть имущих. И сейчас Одзаки благодарил Рихарда за этот совет. Сомнений не было: значит, Одзаки не изменил себе, значит, он все это время думал о возможности вести в дальнейшем конспиративную работу, значит, он остался другом Советской России.

— А что вы скажете о принце Коноэ? — спросил Рихард.

— Я думаю, что это новая восходящая звезда,— проговорил Ходзуми и швырнул в море плоский белый голыш.

— Так же скользит по волнам? — задумчиво проговорил Рихард, провожая глазами камень.— А скоро ли пойдет ко дну?

— Он слишком хитер и дальновиден, чтобы не удержаться на поверхности. Мне даже кажется, что очень скоро принц может стать премьер-министром.

— Вы так считаете?

— Почти убежден в этом. У принца большие связи и не так уж много врагов. Такие люди для нынешней Японии — большая редкость.

— Ну что ж,— сказал Рихард после некоторого раздумья.— Я рад, что наши наблюдения совпадают. Было бы очень полезно, если бы мы с вами оказались в курсе тех дел, которыми озабочен Коноэ. Но я сейчас не совсем представляю, как это можно устроить.

— Тут нужно хорошенько подумать,— произнес Одзаки.— Коноэ стоит на одной из самых верхних ступенек нашей политической иерархии. В его окружение не такто легко проникнуть. Но,— он сделал паузу,— первый секретарь принца — мой университетский товарищ Фумико Кадзами...

18

Вскоре Рихард отправил в Центр очередную радиограмму:

«Связался с Одзаки и после основательной проверки решил опять привлечь его к работе. Это очень верный, умный человек. Занимает видное положение в крупной газете, имеет необыкновенно широкий круг знакомств».

Рихард сообщал, что считает Одзаки одним из самых ценных членов своей группы. И он не ошибся.

19

— Явился Эйдзи,— доложил адъютант.

— Пусть войдет,— приказал полковник.

Мацукава боком проскользнул в дверь, замер перед столом.

— Есть новости?

— Да, господин.

— Выкладывай.

— Он обедал у меня в воскресенье. Много говорили о политике. Судя по всему, он заядлый национал-социалист, думает только о карьере. Высоко отзывался о талантах Гитлера. Считает, что Япония и Германия должны обязательно сблизиться.

— Что еще?

— Жаловался на регулярные обыски в отеле.

— Это все?

— Да, господин.

— А как он насчет женщин?

— Я говорил с ним и об этом. У меня такое впечатление, что все его мысли принадлежат работе.

— Где он собирается поселиться?

— Улица Нагасаки-мати, дом 30. Хорошая квартира. Прислуга, естественно, будет подобрана.

— Что запланировано дальше?

Мацукава сделал неопределенный жест.

— Намерен продолжать наблюдение. Впрочем, у меня есть одна совершенно конкретная идея...

Полковник Номура выслушал осведомителя и одобрительно кивнул:

— Действуй!

20

Четырехмоторный «фокке-вульф» «Кондор», закончив бег на посадочной полосе, замер у аэровокзала. Самолет был пассажирский, но с опознавательными знаками германских ВВС — черными крестами на фюзеляже и крыльях, с фашистской свастикой в белом круге на хвосте. Апрельское жаркое солнце вспыхивало на затухающих махах пропеллеров.

Рихард гаркнул «Хайль!» и шагнул к трапу самолета.

— Поздравляю, герр генерал! — радостно улыбаясь, сказал он, завладев рукой Отта.— Поздравляю и могу заверить, что ваше новое назначение — осуществление моей заветной мечты!

Генерал уловил столько искренности в голосе журналиста, что растрогался и, нарушая этикет, обнял его:

— Спасибо, Рихард! Прошу тебя, не обращайся ко мне столь официально. Для тебя я тот же Эйген. Просто Эйген.

Во второй половине дня в посольстве состоялся большой прием. Отт и его супруга стояли на мраморной площадке у входа в анфиладу зал. Гости пожимали генералу руку, целовали перчатку Терезы, рассыпались в поздравлениях и спешили к столам.

Отт задержал руку Рихарда в своей:

— Я — твой должник...

Тереза с трудом сдерживала самодовольную улыбку.

Зорге прошел в зал. Гостей собралось много. Слуги, умело лавируя, обносили их коньяком, сакэ, шампанским. Рихард, следуя примеру других, прошел вдоль столов, наполнил свою тарелку всякой снедью и расположился у стены, в углу.

Первый тост за здоровье и успехи нового германского посла произнес старейшина дипломатического корпуса. Тосты на разных языках звучали один за другим. Потом отдельные слова потонули в звоне рюмок и вилок, общем гомоне.

Рихард ел, пил, а сам привычно наблюдал за этой многоликой толпой дипломатов, министров, офицеров, явных немецких нацистов и полуявных японских фашистов, за дамами в глубоких декольте и драгоценных кимоно, стариками в аксельбантах и звездах — за этими людьми, вершащими политику государств. Что ж, ему известны сокровенные и честолюбивые планы многих из них, и он делает все возможное, чтобы не допустить осуществления тех планов, которые опасны для его Родины и всего мира. И в то же время содействует осуществлению некоторых других планов...

Итак, Эйген Отт — генерал и посол. Рихарду, когда он поздравлял Отта на аэродроме, не пришлось надевать на себя привычную для разведчика маску. Назначение Отта на пост германского посла в Японии действительно было осуществлением заветного плана Рихарда, завершением целого пятилетнего этапа работы его группы.

«Двадцать восьмое апреля тридцать восьмого года. Запомним этот день,— подумал Рихард. Перед ним колыхался, перемещался по залу калейдоскоп лиц. Он в шутку группировал их: — Эти — подшефные Бранко. Эти — подопечные Ходзуми. Генералы — ведомство Иотоку. Ну, а эти, эти — мои!..» И так же, как выравнивалась в стройные шеренги толпа этих разных, но одинаково возбужденных сейчас физиономий, так же стала выстраиваться в его сознании цепь воспоминаний. С того самого дня...

21

— Милый, познакомься: это тот самый мюнхенский Рихард, о котором я тебе говорила!

— Весьма рад. Подполковник Эйген Отт.

— Рихард Зорге. Как вам, наверное, уже сообщила ваша очаровательная супруга, я журналист, так что держите со мной ухо востро!..

Так они познакомились осенью 1933 года, когда подполковник вернулся в Токио с артиллерийских маневров. Познакомила их Тереза.

Теперь, спустя несколько недель после первой случайной встречи с ней около посольства, Рихард с бо́льшим интересом отнесся к ее мужу, хотя, конечно, не показал и виду. Он уже знал, предусмотрительно запросив об этом Центр, что Эйген Отт, неприметно державшийся офицер, на самом деле крупный германский разведчик, сотрудник небезызвестного Николаи, шефа немецкой разведки в период первой мировой войны, теперь, после захвата власти нацистами, возглавившего один из центров шпионажа — «Институт истории новой Германии». Хотя Отт приехал в Японию как военный стажер и интересуется лишь испытаниями гаубиц, истинная цель, поставленная перед ним,— это наладить сотрудничество между гитлеровской и японской разведками. Кроме того, он должен изучить политическое положение в Японии и представить в Берлин обстоятельный доклад.

И Рихард Зорге с тех первых дней сделал ставку на этого внешне скромного, но столь много обещающего в будущем подполковника.

Нет, он, конечно же, не навязывался ему в друзья. Они просто «случайно» встречались то в посольстве, то в клубе, то у «Рейнгольда» — в баре немца, славившегося своими сосисками по-баварски, мюнхенским пивом и прогитлеровскими взглядами. Конечно же, Рихард ни единым намеком не показывал, что знает об истинных целях визита подполковника в Токио. Он не слушал, а сам говорил. Говорил, во всем блеске демонстрируя перед хватким разведчиком свое глубокое знание и политической обстановки в Японии и нацистской фразеологии.

И Отт, как рыба на наживку, клюнул: он решил, что общительный и столь много знающий журналист может быть ему полезен. Сначала он хитро выспрашивал отдельные сведения, а однажды прямо попросил:

— Помогите, Рихард, составить мне одну бумагу в Берлин.

— Охотно. Однако...

— Да, да, особо секретные бумаги я, конечно, вам не покажу. Но общие разделы, будь они прокляты!

Зорге сочувственно кивнул:

— Понимаю, как противно кадровому офицеру заниматься бумагомаранием!

Он сочными мазками нарисовал картину политического положения в Японии, дав событиям такую интерпретацию, которая должна была особенно понравиться в Берлине. Он щедро приправил доклад нацистским лексиконом, так ласкавшим слух заправил рейха.

Отт был в восторге. Он стал с Рихардом откровеннее. Даже как-то обмолвился в разговоре, что познакомился с генералом Доихара. А уж Зорге-то знал, кто такой этот Доихара! Но и бровью не повел: каждому овощу свое время.

Весной 1934 года подполковник уезжал в Германию. При прощании Тереза даже всплакнула:

— Увидимся ли еще когда-нибудь? Не забывай, милый Рихард!

А Зорге думал: «Точен ли был мой расчет? Оправдается ли мой план?..»

22

Летом 1934 года Эйген Отт вернулся в Токио — уже в чине полковника и в ранге военного атташе посольства.

— Работа произвела наверху впечатление,— доверительно сказал он Рихарду при первой же встрече.

— И впредь буду рад помочь, чем могу,— ответил Зорге.

А сам сделал вывод: значит, расчет был правильным. Но он смотрел и дальше. Он предполагал, что при Гитлере кадровые военные будут приобретать в дипломатическом аппарате все больший вес. Значит, будет расти и их осведомленность. Значит, надо и в дальнейшем помогать Отту в его продвижении по служебной лестнице.

Доверие и расположение полковника к корреспонденту «Франкфуртер цайтунг» неуклонно росло. Через некоторое время Рихард уже передавал в Центр:

«Когда Отт получает интересный материал или сам собирается что-нибудь написать, он приглашает меня, знакомит с материалами. Менее важные материалы он передает мне на дом для ознакомления. Более важные, секретные материалы я читаю у него в кабинете».

А как-то Отт позвал Рихарда в свой кабинет, запер дверь на ключ и показал на стол, заваленный бумагами и таблицами:

— Не успеваю, столько работы! Помоги.

Рихард глазам своим не поверил: перед ним на столе лежали таблицы сверхсекретного германского кода!

— Что это за чертовщина? — прикинулся он, небрежно разглядывая таблицы.

— Сейчас я тебя научу. Будешь помогать мне составить и шифровать телеграммы,— сказал полковник.

С очередным связным копии германского кода были отправлены в Центр. И тут же от Старика пришла радиограмма: «Молодец».

23

Да, с Оттом он на дружеской ноге.

Но Рихард не строил иллюзий: он прекрасно понимал, на чем базируется расположение к нему военного атташе да других сотрудников посольства, представителей германских промышленных кругов в Токио, коллег-журналистов — на глубоком знании дальневосточных проблем, блеске журналистского имени.

Но для того, чтобы сохранить этот блеск, углублять свои знания, нужно было очень много работать.

Об этой своей работе он сообщал в Москву:

«Я очень подробно изучал аграрную проблему, потом переходил к мелкой промышленности, средней и, наконец, тяжелой индустрии. Я, конечно, изучал также общественно-социальное положение японского крестьянина, рабочего и мелкого буржуа... Я интересовался также развитием японской культуры с древних времен, влиянием, которое на это развитие оказывали разные китайские школы, и развитием культуры в современный период, начинающийся эрой Мейцзи».

В первые же месяцы он собрал библиотеку, накупив сотни книг по истории, культуре, экономике и политике Японии. Но этого ему было мало. Он писал:

«Вдобавок к своей библиотеке я пользовался библиотекой посольства, личной библиотекой посла, библиотекой Восточно-азиатского германского общества».

«Мое изучение страны,— писал он в другой раз,— было важно для моего положения как журналиста, ибо без такого багажа я не был бы в состоянии подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента — уровнем не особенно высоким. Мои знания дали мне возможность найти в Германии признание как лучшего корреспондента по Японии. Редакция «Франкфуртер цайтунг» часто хвалила меня за то, что мои статьи поднимали ее международный престиж».

И действительно, корреспонденции Зорге поражали эрудицией и профессиональным блеском. «Франкфуртер цайтунг» отводила для них самое почетное место на первых страницах. Наперебой заказывали ему статьи берлинские газеты. И Рихард работал, работал, понимая, как важна для него эта слава лучшего корреспондента.

А Старику докладывал: «Свою позицию в посольстве я завоевал не только потому, что у меня были приятельские отношения с работниками посольства; наоборот, кое-кто из этих работников неблагожелательно

относился к факту моего влияния в посольстве. Главными причинами, создавшими мое положение в посольстве, были мой большой запас общей информации, мои обширные знания Китая и детальное изучение Японии. Без этого, несомненно, никто из работников посольства не стал бы обсуждать со мной политические вопросы или просить у меня совета по секретным проблемам. Многие из них обращались ко мне с такими проблемами, так как они были уверены, что я чем-нибудь посодействую их разрешению. Никто из работников посольства не был так хорошо знаком с Китаем и Японией, как я».

Но славе журналиста должен был сопутствовать и авторитет нациста, иначе было трудно рассчитывать на доверительные отношения с крупными деятелями немецкой колонии.

Оскар, конечно же, оказался прав: в Токио Рихарду не составило труда вступить в национал-социалистскую партию — человек с рекомендациями от высокопоставленных лиц из Берлина, рьяный приверженец фюрера, он сам мог многому научить ветеранов фашизма. Впрочем, вскоре он и стал это делать, когда был назначен «шулюнгслейтером» — руководителем пропаганды в местной партийной организации, ответственным за политическое просвещение ее членов, а также редактором стенгазеты. Единством идейных взглядов объяснялась его тесная дружба с фюрером нацистской организации колонии, руководителем отделения официального германского телеграфного агентства ДНБ, а по совместительству, как и Отт, военным разведчиком Виссе. Как нельзя лучше складывались у Зорге отношения с корреспондентом газеты «Фелькишер беобахтер» фон Урахом. Он недолюбливал корреспондента «Кельнишер цайтунг» Фрица Гердера, отставного офицера, скептически относившегося к нацистам. Он высокомерно держал себя с коллегами англичанами и французами и совершенно игнорировал советских журналистов. Японские корреспонденты считали его заносчивым «пруссаком»... Упорно и настойчиво Рихард создавал себе безупречную репутацию.

Однако даже авторитет нациста не гарантировал ему полного успеха в работе. Оставалась еще «Кемпэйтай» — японская тайная полиция, контрразведка. А он знал, как она изощренна, и сам успел почувствовать ее неослабное внимание к своей персоне. Достаточно одного неосторожного шага, листка с секретными материалами, расшифрованной радиограммы или перехваченной со связным «оказии» — и все рухнет в тот же миг. Поэтому осторожность, осторожность и еще раз осторожность! Все, чему учили его Старик, Василий и Оскар, он передавал своим товарищам, заставлял предугадывать на десять ходов вперед каждый очередной ход.

Из отеля Рихард вскоре переселился на частную квартиру, по улице Нагасаки-мати, 30, в буржуазном районе Токио — Акабуку. Но и здесь не прекращалось копание в вещах и бумагах в его отсутствие, а когда у него собирались гости — Рихард знал,— в тот же час это становилось известным в полиции. Он уже привык, делал вид, что не замечает всего этого. Правда, далось это не так уж легко. В каком только обличье не являлись к нему враги! Взять хотя бы историю с этим Аритоми Мацукава. Прикидывался другом, приглашал домой, а сам шарил по чемоданам, устраивал провокации. Однажды привел с собой какого-то белогвардейца. Тот стал шпарить по-русски: «Ненавижу японцев, мечтаю вернуться домой, помогите!» Рихард, конечно, сделал вид, что ничего не понял. Мацукава на этом не успокоился. Принес папку с липовыми «секретами», предложил: «Купите, очень нужны деньги, проигрался в маджан!» Пришлось взять его за шиворот и выставить из дома. Больше он не появлялся. Но Зорге знал: японская контрразведка и впредь не оставит его в покое, будет держать под контролем каждый его шаг.

24

7 января 1934 года он радировал в Москву:

«Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого в отдельности шпика и применяющиеся каждым из них методы. Думаю, что я их всех уже стал водить за нос».

Но как изнуряла эта борьба, как отвратительна ему самому была роль нациста! Наваливалась тоска. По Родине. По дому. По Кате...

Продолжение следует.

НАШИ КУКРЫНИКСЫ

Когда мы хотим себе представить, как работает художник, то воссоздаем в своем воображении заставленное холстами ателье, разбросанные там и сям кисти, тюбики красок, палитры, незаконченное полотно на мольберте... И, конечно, самого художника, пристально вглядывающегося в этюды и наброски, сделанные с натуры, творящего вдали от посторонних глаз, в почти музейной тишине.

Но вот лифт поднимает нас под самую крышу многоэтажного дома на улице Горького. Это тоже ателье. Обстановка тут почти такая, какую рисовало воображение. Но именно «почти» такая. Здесь нет музейной тишины, тут не один, а три художника. И здесь не ателье, а мастерская. Это слово, означающее помещение, где работает художник, в данном случае звучит очень точно. Потому, что еще никто не видел мастерской, построенной для одного рабочего.

Мастерская Кукрыниксов. Из ее стен выходит удивительная продукция: живописные полотна, газетные и журнальные карикатуры, книжные иллюстрации, плакаты. Арифметические подсчеты тут неуместны, но мне кажется, что можно составить много «троек» из художников, работающих самостоятельно и работающих менее продуктивно, чем эта. Качество? Оно в пространных рекомендациях не нуждается. Вряд ли в нашей стране да и за ее пределами найдется любитель прекрасного, который не относился бы с полным доверием к короткому и такому знакомому знаку ОТК мастерской на улице Горького: «Кукрыниксы».

О творчестве художников можно говорить и писать много. Но вот какую его сторону мне хотелось бы подчеркнуть: лаконизм и сатирическую заостренность, гиперболизацию. Обратите внимание на карикатуры Кукрыниксов — художники, как правило, ограничиваются изображением одного, двух или трех персонажей. Карикатуристы как бы сознательно ограничивают поле зрения, чтобы пристальнее, глубже всмотреться в изображаемый объект, добраться до корней того или иного отрицательного явления, выявить его во всех деталях. А мастерство сатирических деталей у них поистине непревзойденное! Бывая в мастерской Кукрыниксов, я не видел у них увеличительного стекла, но кажется, что каждый свой рисунок они делают с его помощью: так выпуклы, так подчеркнуто крупны объекты и субъекты, попавшие на острие карандаша и кисти Кукрыниксов! Это и есть сатирическое видение всего косного, отсталого, вредного, видение, без которого невозможен точный прицел и сомнительна убойность сатирического выстрела.

Творчество художников неотделимо от прошлого и нынешнего дня сатирической графики. Не случайно не только в среде художников, но и в широкой читательской и зрительской аудитории можно услышать:

— Эта тема для Кукрыниксов!

Не случайно в крокодильской почте не иссякает поток критических сигналов читателей с коротким адресом: «Москва. Кукрыниксам».

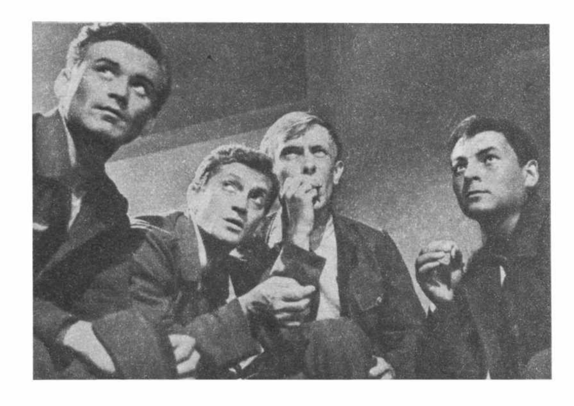
Десятилетия прошли с тех пор, как возникло это великолепное творческое содружество. Сделано по-настоящему много. Но ни на день не затихает рабочий ритм в просторной, светлой мастерской под самой крышей многоэтажного дома на улице Горького. Здесь трудятся наши мастера, наши Кукрыниксы — Михаил Васильевич Куприянов, Порфирий Никитич Крылов, Николай Александрович Соколов.

М. СЕМЕНОВ,
главный редактор «Крокодила»

Аня Морозова — народная артистка РСФСР Людмила Касаткина.

Вацлав — Болеслав Мицевич, Ян Тыма — Марьян Кочиняк, Ян Маньковский — Юзеф Дурьяш, Стефан — Евгений Лисконог.

Достоверно!

Наш брат — бывший партизан и подпольщик — частенько заранее настраивается скептически, когда идет смотреть фильм о партизанах или подпольщиках. Объясняется это просто. Героические события, происходившие в тылу врага в годы Великой Отечественной войны, уже не раз привлекали к себе кинодраматургов и кинорежиссеров. Сочинялись захватывающие сюжеты. Изобретались невероятные, неправдоподобные трюки...

Телевизионный фильм «Вызываем огонь на себя» — автор сценария и постановщик Сергей Колосов — с первых же кадров покоряет зрителя удивительной точностью и достоверностью всего происходящего на экранс.

А ведь Сергею Колосову было трудно: в документальной повести советского писателя О. Горчакова и польского Я. Пшимановского, по мотивам которой сделан этот четырехсерийный фильм, рассказывается о советских, польских, чешских подпольщиках, действовавших в годы войны в брянском местечке Сеща. Ограниченному рамками реальных судеб и событий режиссеру оставалось немного простора для домысла. Точнее, домысел, без которого немыслимо никакое художественное произведение, в этой работе Колосова должен был не отличаться от действительности.

На мой взгляд, Колосову в полной мере удалась эта задача. Все люди, которые населяют фильм, обстановка, в которой они действуют, настолько реальны и убедительны, что порой кажется: исчезла толща лет, отделяющая тебя от партизанской поры, на твоей шапке снова заалела красная партизанская лычка, рука вновь ощущает холодную сталь автомата...

Колосов отказался от кинотрюков. Достоверность фильма во всем. В операторских съемках, которые прекрасно, без швов сочетаются с кадрами трофейной кинохроники, в гриме, в декорациях, в современной, точно передающей настроение музыке. Не игра в приключения, а сама жизнь партизан и подпольщиков, их судьбы, характеры, чувства, обнаженные до самого корня смертельным риском,— вот фундамент, на котором построен сюжет фильма.

Герои фильма «Вызываем огонь на себя» — люди отнюдь не исключительные, а самые обыкновенные. Исключительная обстановка — вот что сделало их героями. В образах Анны Морозовой, главной героини фильма, которую великолепно играет народная артистка РСФСР Л. Касаткина, и Лиды — Е. Королева, я узнаю чудесных девчат нашего партизанского соединения, глубоко женственных и в то же время смелых, собранных и решительных в минуту опасности.

Отлично удались роли Кости Поварова (В. Косач) и старосты (народный артист СССР Б. Чирков). Выразительны и точны командир партизанского отряда Федор (А. Лазарев) и его двоюродный брат бургомистр (заслуженный артист РСФСР С. Чекан).

С удивительным мастерством талантливый артист Ролан Быков исполняет роль полицая Тереха, под скоморошьей внешностью которого живут звериная злоба и хитрость.

Игра артистов из Польши, Чехословакии и ГДР, по-моему, придает фильму особую жизненную убедительность. Необыкновенное обаяние Яна Маньковского ощущается в исполнении этой роли артистом варшавского драматического театра Юзефом Дурьяшем. Мужествен и спокоен бывалый солдат Ян Тыма, которого играет артист варшавского «Атенеума» Марьян Кочиняк. Хорош и Венделин Робличка с его скупыми, но выразительными жестами, его трогательным и очень точным акцентом. Робличку исполняет мой коллега, чешский журналист Павел Пацл.

А гитлеровцы? Это не те глупые петухи, которых мы не раз встречали в приключенческих кинофильмах и повестях. Комендант базы оберст Арвайлер (артист Эрвин Кнаусмюллер) — фанатичный, опасный враг. Арвайлер — типичный офицер гитлеровского вермахта, уверенный в своем «фюрере» и в победе. Оберштурмфюрер Вернер, уполномоченный СД (артист А. Александровский),— живое воплощение фашизма, трус и убийца. Наконец, майор Эрих Хюгге, прозванный «Счастливчиком», — артист Лотар Шумахер (ГДР),— любящий войну за то, что она война, летчик, прототипом которого явился гитлеровский ас Ганс-Ульрих Рудель, с открытым письмом к которому я некогда обращался со страниц «Огонька». Все эти гитлеровцы — коварные и умные враги. Победа над ними еще более возвышает подвиг подпольщиков и партизан, действующих в фильме.

В. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

КЛЕЩИ В КЛЕЩИ. Окно ТАСС. 1941.

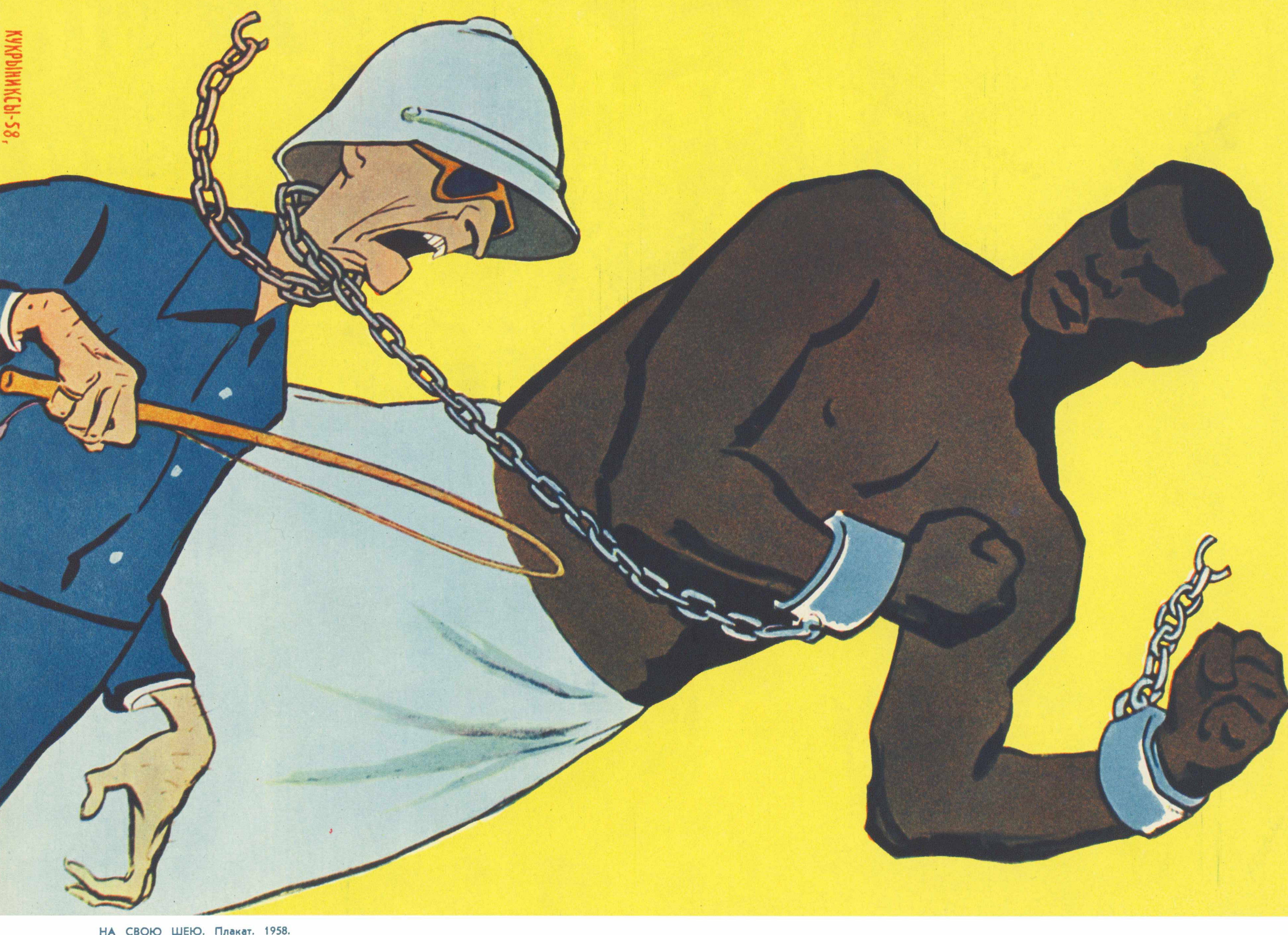
КУКРЫНИКСЫ (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов).

КОНЕЦ. 1947—1948.

Государственная
Третьяковская
галерея.

НА СВОЮ ШЕЮ. Плакат. 1958.

РАССКАЗ

Сарван

Анатолий ТКАЧЕНКО

Рисунки П. Караченцова.

Встал я рано, по старой степной памяти, взял полотенце, мыло, вышел за калитку и пошел улицей села к озеру. Солнце уже взошло, но было низко, за холодными с ночи холмами, за дымной неулегшейся мглой вчерашнего жаркого дня. Оно не жгло, не ослепляло, жило в тихой дружбе со всем сущим в степи, и это было лучшее время. Проспать его так же нехорошо, как встать утром и не умыться: весь день будешь кислым и сонным.

Улица была пустой, но дворы уже проснулись: взбалмошно кричали куры, прохладно и чисто погогатывали гуси, дребезжа, стучал молоток — кто-то отбивал косу, пахло запаренными отрубями, кизячным дымом, открытыми настежь душными хлевами. Бабы босиком, в подоткнутых юбках бегали на огороды, доили коров, варили еду, перекликались через плетни и заборы.

Я прошел мимо нескольких дворов, они проплыли островами с зелеными пятнами огородов, длинными мачтами журавлей над колодцами, белыми саманными крышами, хорошо обжитые, очень похожие друг на друга. Из переулка позади выкатилась телега с пустыми бидонами, погромыхивая, нагнала меня, я отошел в сторону, подальше от пыли, и увидел на телеге знакомого мужика Сарвана. Он узнал меня еще раньше, спрыгнул в пыль, бросил на круп коню вожжи, крикнул:

— Мать честная!..

Сдернув кепчонку, Сарван потряс ею над головой, остановился по ту сторону дороги, показываясь мне и рассматривая меня, подождал, когда я шагну навстречу, и легко перебежал дорогу, приготовив ладошки, чтобы сразу поймать мою руку.

— Земляк! — сказал он, безжалостно морща свое маленькое, буро спеченное, степное лицо и натирая мне руку шершавыми, холодными ладошками. Он всегда здоровался долго, будто хотел согреться, отойти душой.— Ты когда?.. Вот хорошо! Опять к нам?

— Опять.

— Вот хорошо!

— Чего же хорошего, Сарван?

— Как чего? Бабка твоя рада будет. Одна ведь, какая жизнь...

— Бабка — да. А так бы...

— Вот, а я чего говорю!

Я знаю, что главный, самый интересный разговор для Сарвана впереди, и нарочно оттягиваю его, прошу закурить, долго нащупываю в его атласном кисете табак, отмалчиваюсь. Он тоже закуривает, вздыхает: вот, мол, как неожиданно и здорово; ждет подходящего случая, скучает и наконец говорит:

— Ну... Как там у нас?..

— Где? — лениво спрашиваю я, отворачиваюсь, глажу пахучий, потный бок лошади.

— Хочешь, на озеро отвезу? — чуть заискивает Сарван.

— Нет, тебе работать надо.

— Знаю без тебя,— чуть сердится Сарван,— садись, говорю, работа не волк...

Он отодвигает бидоны, я подпрыгиваю, усаживаюсь рядом с ним, конь сразу берет на рысь, но Сарван все-таки слегка вытягивает его по крупу, жалобно выкрикивает свое любимое: «Мать честная!» Дворы с зелеными огородами, журавлями, белыми крышами, будто сдвинувшись с места, закружились, побежали нам навстречу. Ожили, поплыли степные холмы позади дворов — они уже порозовели от солнца, но все еще были холодные и чистые. Сарван смотрит в степь, щурится, он немножко задается своей степной обжитостью, немножко презирает меня, и я понимаю — это больше для того, чтобы потом поговорить со мной «о главном», как равный с равным. Он сердито отшвыривает папиросу, брезгливо сплевывает. Я молчу: телега трясется, гремит, говорить все равно нельзя.

Сначала мы въезжаем в плотный сырой тальник, он сминается под животом коня, сквозит под телегой и позади упрямо поднимается, потом выкатываемся на луг с ярким степным разнотравьем, и конь схватывает губами фиолетовые цветы чины, после — сразу песок и вода. Озеро — как маленькое море в степи: по ту сторону мрачные скалы с пятнами лишайников, дальше лесок тополей, луг, устье речки; даже чайки летают — куценькие, сизые, они плюхаются в воду, ловят рыбешку.

Сарван спрыгивает, отпускает коню чересседельник, чтобы он мог попить воды, говорит:

— Крым! Кавказ! Давай искупаемся!

Он знает, что я шел к озеру не только посмотреть, какое оно красивое,— шел искупаться. Но это его мало интересует: он здесь — и все должно свершаться с его участием. Так, только так должен жить Сарван.

Я молча раздеваюсь, Сарван опережает меня, минуту колеблется: снять подштанники или нет? — снимает, разбежавшись, подкидывает вверх белые худые ноги, бухается в воду. Выныривает далеко от берега, крутит головой, командует:

— Пры-ыгай!

Медленно, ощупывая дно, вхожу в озеро, вода неощутимо, как воздух, облегает меня, и, когда отталкиваюсь от дна и пробую плыть, кажется, повисаю над пустотой. Сарван гонится за мной, что-то бубнит, сплевывая воду, мы переплываем озеро. Запыхавшись, выбираемся на берег, садимся на гладкий кусок черного гранита, когда-то давно упавший со скалы,— он уже чуть теплый, на нем высыхает роса — смотрим, удивляемся: небо стало огромным, раздвинулось во все стороны, и ой-ей-ей, какой жаркий будет день!

— Сто лет здесь живу, все равно не могу привыкнуть,— говорит грустно Сарван и хлопает рукой по голой ляжке, забыв, что сидит без штанов и что кисет остался на том берегу.— Еще проживу сто лет — так же скажу.

Теперь не уйти от главного разговора, Сарван подступил «с ножом» и скорее в самом деле зарежет, чем отпустит меня, не выговорившись. Я все-таки пробую увильнуть, говорю:

— Не понимаю. Прекрасное место.

— Что? — Сарван вскакивает, снова шлепается на камень так, что я пугаюсь за его тощие ягодицы.— Что ты сказал? Ты, как тюлень жирный, который сам не знает, почему такой. Настоящая жизнь где?.. Вот как за Байкал заедешь — так жизнь начинается. Понял? А самая настоящая там, у нас...

«Там, у нас» — это на Сахалине, откуда приезжаю я и где когда-то, десять лет назад, служил в армии Сарван. И не только служил — два года после демобилизации работал засольщиком на рыбозаводе. Необыкновенное, удивительное для него время. Третье лето подряд рассказывает мне о нем Сарван и еще, наверное, половины не рассказал. Он почти не повторяется: у него хорошая память; но, пожалуй, и правды, своей, «сахалинской», не говорит. Сахалин в его представлении — заморская, необыкновенная земля, где живут настоящие, очень справедливые, очень смелые люди. Там работа — в радость, дружба — железо, туман — молоко. Там не стареют, не болеют, не умирают. Сахалин — хорошие деньги, рестораны. И еще — риск, и еще — женщины... А главное, конечно, воля: что хочешь делай, куда хочешь иди,— везде море, берег, рыба.

Как-то я усомнился в том, что на Сахалине «не умирают», и Сарван сказал мне: «Чудак, живут там одни молодые, старики на материк умирать уезжают».

— А здесь что? Существую! — Сарван упирает локти в колени, сцепляет пальцы.— Молоко на маслозавод вожу. Туда — обратно, туда — обратно... Десять лет. Почему с ума не сошел, не знаешь?

— Нормальная работа...

— Нормальная? Для тех, которые другой не видели. Понял?

— Не очень.

— Ты тюлень.— Сарван острым пальцем ткнул мне в бок.— Я корюшка.— Он ударил кулаком себя в грудь.— Ты не понимаешь меня: у тебя жиру много.

— Ругаться хочешь?

— Нет, ты мне как родной. Я тебя там, на дороге, даже понюхал немножко: может быть, морем пахнешь... Душа тоскует, воздуху здесь мало, видишь, как сушеная корюшка стал.

— Приезжай, вызов дам. Сколько раз тебе говорил.

— Э-э, не могу. Пока не могу. Сам знаешь. Если забыл, потом еще расскажу.

Сарван поворачивается ко мне, цепко берет меня за руку, живо заглядывает в глаза, говорит:

— Приходи обедать, а? Выпьем по маленькой. На гармошке тебе поиграю.

Я вспоминаю жену Сарвана — молчаливую, сердитую татарку (он и сам татарин, но вырос в детдоме, обрусел), она старше Сарвана, командует им, тихо и непонятно шипит, когда видит его с бутылкой, и мне не хочется идти к нему в гости. Да и бабка меня не пустит — «художественно» разрисует сопливых Сарвановых ребятишек, кислый, нескобленый стол, жирных мух, пса с облезлой шерстью — и усадит обедать дома.

— Лучше ко мне. Вдвоем будем, как в ресторане.

— Ладно. Только ко мне тоже потом придешь.

— Ага.

Мы смотрим на озеро; оно уже розовое, теплое во всю глубину, будто в него подлили горячей крови. И туман порозовел, зашевелился, будто смущаясь открытости и света, тонкими струйками потек через мокрую осоку в кусты тальника. В озеро были четко опрокинуты белые крыши, журавли, тополя. В нем было свое небо и всходило свое солнце.

— Поплыли,— сказал я.

— Давай, мне на ферму надо.

Выбрались из воды, стали быстро одеваться. К озеру привалили первые голопузые мальчишки с удочками, где-то на дороге переговаривались, визгливо смеялись бабы. Прибежал рыжий сарвановский пес, ткнулся хозяину в ноги, получив пинка, принялся красным, горячим языком хлебать розовую воду. Понемногу настаивалась жара. Сарван подтянул чересседельник, прыгнул на телегу, тряхнул мне головой и запылил по дороге к ферме.

Я вышел на улицу поселка. Она была уже не той, ранне-утренней,— на ней начинался день. Пастух гнал стадо, сновали, чадя бензином, машины, на столбе у конторы орало радио, в раскрытую дверь магазина вбиралась пестрая очередь. Жизнь, будто не вместившись в островках дворов, перехлестнула через заборы, затопила улицу.

Бабка хорошо кормит. На завтрак я съел четыре яйца на огненной сковороде, чашку вареной картошки с квашеной капустой, банку сметаны и банку кислого молока — вместо чая. Разморило, потянуло соснуть. Но бабка не любит «чистых» едоков. Каждый едок, по ее разумению,— работник. Во дворе, на огороде она забывает, что я «отпускной» и родственник ей, задает мне «срочные уроки»: почистить сарай, прополоть грядки, подправить плетень; прибегает смотреть, сердится, если что не так, покрикивает, будто я батраком нанялся. Сама хватается за лопату или топор, суетится, чтобы устыдить меня.

Сегодня «срочный урок» — установить в колодец насос: пора поливать огород. Бабка вывела меня во двор, подталкивая под локоток, подвела к навесу, в резкой тени которого лежали трубы, цилиндры, рычаги, показала на все это рукой, поколыхалась, что-то говоря, и уплыла к своим бабьим делам. Я пробрался под навес, сел на чурбак, закурил. Здесь не пекло солнце, земля, бурьян еще не растеряли прохладу, и мне сильней захотелось спать. Я смотрел на трубы, цилиндры, рычаги, прикидывал, как из этого железного лома соорудить насос, подремывал, покачивался. И, наверное, по-настоящему задремал, потому что потухла папироса, и ржавый цилиндр, повернутый ко мне темным пустым кругом, тихонько захихикал, потом пробубнил: «Ра-бо-бо-тай». На него зашипел, зашукал бурьян, а мне сказал: «Шпии-шпии...» Откуда-то издалека, как из детства, пропел тонкий бабкин голос: «А я эту курочку зарублю!» Это, пожалуй, был уже не сон: бабка и в самом деле собиралась сварить мне на обед курицу; я открыл глаза, у носка ботинка белела папироса, за сараем бабка ловила курицу.

«Ра-бо-бо-тай»,— сказал я себе, глянул в темную пасть цилиндра и стащил его с верха железной кучи. Сначала решил скрутить трубы. Вынул ту, которая была истыкана мелкими дырками, догадался: она должна сосать воду,— к ней прикрутил другую, к этой — третью, с широкой шайбой на конце. Получился трубчатый столб, прикинул: как раз во всю глубину колодца. Дальше... Что же дальше? Прикручивать цилиндр с поршнем или... Да, пожалуй, «или» — опущу сначала трубы: так легче будет. Взялся за конец, поднял, поволок к срубу колодца. Передохнул минуту, вскинул железный столб на плечо, направил истыканную дырками трубу в темень колодца, стал понемногу опускать. Глубже уходил столб — труднее было держать его. Вот он почти повис, спина моя изогнулась, напряглась жилами и поджилками, и когда мне стало казаться, что вот сейчас треснет мой позвоночник, столб коснулся дна колодца.

Прибежала бабка, заохала, закричала:

— Это чего ж ты меня не позвал? Да ить хребтину переломать — пустое дело!

— Ра-бо-бо...— попробовал сказать я, сел на край сруба, достал папиросу. Руки были красные, в ржавчине, ладони горели: натер мозоли, пальцы тряслись. По спине, по животу, по ногам текли ручейки пота. Раньше их не было, они хлынули сразу, обильно, будто во мне что-то порвалось, и я понял, что буду потеть весь день, пить воду и к вечеру сильно устану.

— Да ить седой уже, а ума...— Бабка посмотрела в колодец, покачала рукой столбтрубу — стоял он прямо, прижатый к углу, в самом нужном месте,— и это понравилось ей. Ласково глянув на меня, опахнув краем прохладного фартука мою мокрую спину, она потихоньку, очень мирная, пошла к дому.

Я докурил папиросу, посидел еще несколько минут и встал: сильно остыть — значит, снова «заводиться», да и жара наступала полуденная, падучая; коршуны застыли в небе, коро-

вы по брюхо забрели в озеро, куры задремали в пыльных ямках под бурьяном. Я поднял цилиндр, он был теплый — нагрелся даже под навесом,— принес его к колодцу, стал прикручивать к трубе. Резьба заржавела, и сразу у меня ничего не получилось. Пришлось чистить болты и гайки. Все-таки прикрутил крепко, намертво. Теперь на очереди поршень. Исследовав его, я обнаружил, что резина на клапане износилась, потрескалась. Пошел в сарай, в ящике с бабкиным хозяйственным барахлом отыскал кусок резины, вырубил топором новую пластину, приладил вместо старой. Поршень опустил в цилиндр, к стержню поршня прикрепил рычаг — и насос обрел свой первозданный, рабочий вид. Он имел форму, выражение; он был как живое существо. Обрывком проволоки я прижал его к стенке сруба, подружил с колодцем и, погладив по ржавым округлостям, сказал:

— Работай.

Издали его заметила бабка, подошла, потрогала, качнула рычаг, сунула голову в сырую тьму, зашла с другой стороны; ни к чему не смогла придраться, но все же глазами, вытянутым в нитку ртом, еще чем-то едва уловимым сказала мне: «Мог бы и получше...» — и только после этого повернулась, проговорила:

— Иди в тенек, закусить принесу.

Я устроился на чурбаке под навесом, и через минуту бабка вложила мне в одну руку кусок черного хлеба, в другую — банку кислого молока. Села напротив, приготовилась смотреть, как я буду есть. Это для нее был отдых и, пожалуй, какая-то особенная, своя работа. Она смотрела, как ел дед, внуки, гости. Она умела это делать просто и душевно, и взгляд ее не мешал, не останавливал куска в горле; хотелось съесть больше, но с пользой, потому что ее пища никак не забава. И не съесть все до крошки так же стыдно, как, съев, завалиться спать. Бабка молчала, потихонечку вздыхала, думала о чем-то своем: во время еды грешно болтать. Когда я опрокинул в рот последние сгустки молока, она спросила:

— Притомился?

В голосе ее не было того «узенького», жалостливого сочувствия к ближнему, это было сказано широко, вообще, как говорят человеку, коню, корове — всему страждущему и трудящемуся на земле.

Я вспомнил, что пригласил Сарвана на обед, сказал:

— Сарван придет.

— Зачем еще?

— Обедать.

— Он любит, да еще если выпить...— Бабка затвердела лицом, даже чуть отодвинулась от меня.

— К себе тоже приглашал.

— Чего ж, пошел бы. Там вчерашней картошки — и той нету. Тюрю едят. Вот бы и закусили тюрей водочку. Потом с поля Фатьма прибежит да палкой вас вместо похмелья...

— Что, плохо живет Сарван?

— А то не знаешь? Пойди посмотри на его огород. Картошка не прополота, не подкучена, как взошла, так и торчит пришибленная. Капусту не поливали, посохла. Во дворе две курицы облезлых; как Сарван выпьет, гоняется за ними: на закуску поджарить хочет. Где ему — они же худые, юркие. Поросят не держит: свинину, вишь, не ест, с души воротит. Гуси в прошлый год до того тощие были — по осени улетели в степь, не нашел. Холодный хозяин, никудышный. Больше на гармошке играет, пойдет на озеро и так жалостно пиликает. А детей развел: шесть или семь там их, сопливых, бегает.

Правильно все рассказала бабка. Сарван — плохой хозяин и, пожалуй, никогда хорошим не станет: нет у него той жилки, струнки, гвоздя — того, что не давало бы покоя, заставляло «робить», гнуться, грести к себе во двор, в хату. Нет, и потому он «холодный хозяин». Зато моя бабка — горячая, очень горячая. У нее большой огород, корова и телка, гуси и куры. У нее еще пенсия. Зачем столько, кому, для чего? Приедешь — и с головой в работу. Сама весь день топчется и другим «срочные уроки». От работы дуреешь. Мне и нравится в бабке эта крестьянская ненасытность, и порой зло на нее берет: что она такая жадная? Сейчас она растревожила меня, рассердила.

— Хорошо,— сказал я,— он лентяй. А тебе зачем так гнуть спину?

— Как? — не поняла она.

Я кивнул на огород, на двор и сараи, широко развел руки. Бабка не ожидала такого разговора, нахмурилась, но очень быстро пришла в себя, удивленно округлила глаза, капризно скривила губы.

— А как же ты думал? Неужели огород брошу, чтоб бурьяном зарос? Или сараи пустые оставлю — пусть ветер гуляет? Да что у меня, рук нету? Да как же я без дела проживу? Знаешь, что перед смертью дед мне сказал? Живи, говорит, одна, не ходи, говорит, в города на их зарплаты, по сто грамм масла в магазине брать. Пусть приезжают, если совесть есть!

— Нет, бабуся, я не про то. Просто поменьше немного...

— И-и, не говори! Не умею поменьше-побольше. Не понимаю. Роблю, сколько сил хватает.

Бабка повернулась, необычно быстро пошла к дому. Разговор закончился и, пожалуй, не в мою пользу. Но и сдаться не хотелось: что-то все же мне не нравилось в бабке. Наверное, ее безжалостность к людям, слишком явная расчетливость. Я закурил, успокоился и через несколько минут уже думал по-иному: может быть, в этом и есть «сермяжная правда», может быть, надо всем так работать?

Жара настаивалась, сжигала тени, ветерки, запахи. Над степью синим, призрачным пламенем бесновалось марево — казалось, горели травы, посевы, сама земля. Село опустело, жизнь из него перелилась в поля, луга, на фермы. Обвис флаг на сельсовете, еле слышно бормотало радио, и только изредка вспархивала, как бы оживала, пыль: мальчишки позаячьи перемахивали дорогу, прятались во дворах.

Мне надо было закончить свою работу до настоящей, большой, огромной жары — той, от которой стонут люди, немеет, опадает все зеленое в степи, выше, в самую стынь поднимаются коршуны и суслики прячутся в норы.

Я выволок из кладовой две тяжелые скатки резинового шланга, потихоньку, передыхая, подтащил их к колодцу, размотал, соединил. Один конец прикрутил к фланцу цилиндра, другой, перекинув через плечо, поволок в огород. Шланг вытянулся во всю длину, его как раз хватило до помидорных грядок. Сунул железный раструб в обмякшие кусты с множеством зеленых помидоринок, вернулся к колодцу. Теперь проще простого. Достал ведро воды, залил цилиндр; когда вода прошла в трубы и уперлась в колодезную воду, стал качать. Сначала понемножку и вхолостую, потом быстрее, с пружинной тяжестью, а вот уже ударила в шланги струя, они округлились, напряглись. Еще минута — и там, на огороде, белым облачком запылила вода.

Я все качал и качал, сгибался и разгибался. Я стал частью насоса, его мотором. Каждую минуту мне хотелось остановиться, но трудно было выйти из порабощающего ритма, нарушить инерцию: казалось, кто-то раскачивает меня помимо моей воли. Наконец задохнулся, бросил рычаг, выпрямился. В голове зашумело, как от ветра, перед глазами вспухли и лопнули оранжевые пузыри света. Я глянул на огород — между грядками стояла ровная голубая вода.

Отвернулся, побрел к дому, там было сонно и прохладно.

Обедают в степи поздно, когда солнце свалится с другой половины неба, зависнет над холмами, станет светить длинно, будто издали, пустит от каждого дома, сарая, плетня протяженные черные тени. Днем пьют квас, айран — кислое молоко с холодной водой — и работают. В село возвращаются все сразу, скопом, заполняют, будто раскачивают горячо дремавшую улицу, понемногу разбредаются по дворам.

Доят коров, варят еду, кормят птицу. Потом выносят, устанавливают в тени и холодке столы, загружают чашками, крынками; взрослые пьют водку: полезно с жары, с устатку — и молча, всем семейством принимаются наполнять желудки — истово, сразу за весь огромный день.

Сарван пришел, чуть припоздав (для солидности), когда мой сосед за плетнем уже выпил рюмку, покашлял и поднял красную деревянную ложку. Сарван сильно притомился, еще больше потемнел, будто усох на солнце, был чуть сердит и откровенно голоден. Подержал в своих черствых ладошках мою руку, сказал:

— Здравствуй. День-то большой, как целый год не виделись.

Я вытащил из сеней стол, поставил его в тень у стены, окружил табуретками, и мы пошли под навес покурить. Сели, оторвали по клочку газеты, борясь с «трясучкой» в пальцах, свернули цигарки. Сарван пустил струйку дыма, я припомнил, что от него всегда

пахло молочными алюминиевыми бидонами, и уловил этот запах. Но сегодня он был неясный, еле ощутимый, будто привядший на жаре.

— Почему гармошку не взял?— спросил я.

— Бабка твоя не любит...

— Да, она строгая.

— Обедать даст?— кивнул в сторону дома Сарван.

— Посмотрим.

Стол был чист, сиротливо гол. Он хорошо был виден бабке из сеней, и у нее не выдержали нервы. Она вынесла, поставила на середину тарелку хлеба. Это ее несколько успокоило, она долго не появлялась, потом принесла картошку, вареные яйца, капусту; обещанной курицы не было. Опять исчезла в сумерках дома. Мы ждали, терпеливо курили. Наконец решили, что это все, большего мы не стоим, вздохнув, поднялись, и тут возникла бабка, прошествовала с высоко поднятой головой, стукнула о стол «белую головку». Это был предел ее презрения: «Жрите, глотайте, но чтоб я с вами заодно...»

С двух сторон воодушевленно подступили к столу, прочно сели, широко расставили локти. Сосед за плетнем вытер потное лицо полотенцем, тяжко икнул; он далеко ушел вперед, и мы принялись его догонять. Он улыбался нам, но не очень сочувственно: ясно, сытый голодного не разумеет. Должно быть, поэтому еда казалась еще вкуснее, мы жевали капусту и картошку звучно, разбивали и шелушили яйца, пыхтели, сопели. Только изредка Сарван крутил головой, заикаясь, выговаривал:

— Не любит. Беда...

Я первым не выдержал этой «работы», отпрянул от стола, глянул через плетень: сосед пил чай, еле виделся мне за мутной теплой дымкой. Минут через десять привалился спиной к стенке Сарван, почмокал губами, замер с широкой, мирной улыбкой на лице. Тощий живот его округлился под рубашкой, он потискал его руками, сказал:

— Хорошо, когда здесь туго.

— Хорошо.

— Тогда здесь весело.— Он упер кулачок себе в грудь.— Правильно говорю?

— Конечно.

Мы долго молчали, лелея свои животы, затуманиваясь от выпитой водки, и было бы очень хорошо промолчать так часа два, до сумерек, и разойтись потом по домам. Но Сарван понемногу скапливал силы и неожиданно, в самую тихую минуту придвинулся ко мне, горячо дыхнул в щеку.

— Ну, расскажи...— дрожа голосом, выговорил он.— Как земляк земляку...

— Что ты, Сарван! Я сказал: все по-старому, ничего нового.

— Врешь! Море как?

— Бьет в берега.

— Рыбка как?

— Ловится.

Сарван отодвинулся от меня, сощурил глаза, тихо и сердито сказал:

— Если б ты был кто другой, стукнул бы тебя, понял?

— Очень даже.

— Слушай, я тебе расскажу, может, душа твоя доброй станет, если башка, как у моржа... В прошлом году мы поговорили, ты уехал, а мне сниться стало. Никогда ничего не снилось, а тут сниться стало. Каждую ночь про то же самое. Будто стою я в засолке, чан внизу, селедка живая там, шумит, плещется. Беру я лопату и сначала соль сыплю — размахиваюсь широко и сыплю, чтобы ровно было,— потом мелкий лед, тоже чтобы ровно. И все хорошо, рыбкой пахнет, море ударяет в пристань, чайки кричат. Долго радуюсь. После вижу: из чана что-то поднимается, смотрю — пена белая, смотрю еще — полный чан молока. Рыбки нет, только молоко рыбкой пахнет. Стою, не знаю, что делать. Подходит засольный мастер, качает головой: «Ай, Сарван, зачем нам молоко, у нас совсем не маслозавод!» Приходят другие рыбаки, сердятся: зачем молоко? Мне очень грустно становится, утопиться хочу, прыгаю в чан. Сразу темно, сразу дышать нечем, сразу просыпаюсь.

— Тоскуешь, Сарван?..

— Знаешь, я примету себе такую нашел: если вечером пойду на озеро, поиграю на гармошке, ночью хорошо сплю. Не веришь?

— Верю.

— Спасибо. Только не приглашай на Сахалин. Думать стану — голова болит. Ехать не могу, ребятишек много — шесть ребятишек. Здесь прокормлю: корова есть; там не смогу: корову не буду держать. Там воли захочу, в море пойду, рыбку ловить. Фатьма на берегу одна не проживет, умрет от страха: дикая, степь только видела, много воды — боится.

— Почему не остался на Сахалине?

— О, это самый большой разговор. Ошибка жизни. Совесть все испортила. Плохо, когда ее много. Слушай, давно хотел тебе рассказать. Год я тогда проработал, после армии, приехал стариков своих повидать. Деньги были, выпивал каждый день, хвастался. Бабенка понадобилась, чтобы лучше еще было. Наш брат с жиру бесится. Фатьму увидел, понравилась. На озеро стал водить — совсем хорошо стало: Фатьма, гармошка, водка. Потом уехал. Наврал Фатьме — скоро приеду — и уехал. Прошла зима, весна пришла. Получаю письмо от батьки: у Фатьмы ребенок родился, выгнали ее родители, у нас дома живет. А где у нас жить: ребятишек, как поросят в загоне. Батька шайтаном меня обзывает, убить хочет. Зачем ругаться? Написал я батьке: отправь Фатьму ко мне, от ребенка тоже не откажусь. Жду, комнату приготовил. Получаю письмо от Фатьмы: лучше умру, пишет, чем поеду на твой Сахалин, если есть совесть, приезжай, будем жить. Оказалось, совесть есть, никогда не думал, что так много имею: спать не могу, жрать и то разучился. Спрашиваю ребят: посоветуйте, братки. Плюнь, говорят, не расписанный — не муж, много их таких... И самому уезжать жалко, прямо душа болит — жалко. Понемногу решил: поеду, уговорю Фатьму. Приехал. И вот, смотри, десять лет уговариваю.

Сарван потрогал бутылку, слил со дна немного водки, выпил. Почувствовал, что это нехорошо — допивать остатки, да еще в одиночку,— смутился до слез в глазах, принялся закуривать. Успокоившись, кашлем попробовав свой голос, жестковато спросил:

— Жалко меня?

Я промолчал, не зная, что ответить. Не хотелось пожалеть и еще больше разбередить его, нельзя было и подшутить над ним: он так напрягся, так натянул тоненькие жилки своей души, что обидеть его можно даже не словом — недобрым взглядом. Я опустил голову, задумался.

— Мать честная! — сказал негромко Сарван.— А я поеду, все равно поеду. Хоть перед смертью. Как думаешь?

Я опять ничего не сказал.

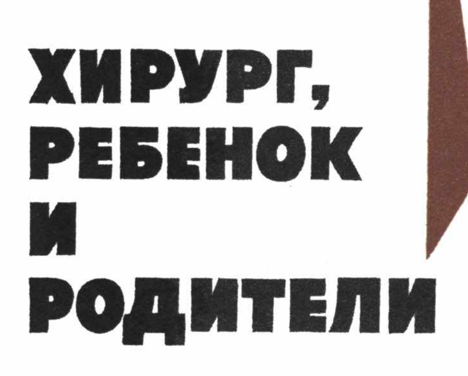
Пришла бабка, убрала посуду, смела со стола. Потом неслышно поставила медный, горячий, будто от жары сияющий самовар, пододвинула к нам сахар, стаканы на блюдцах. Налила чаю себе, удалилась в сени. И впервые за весь этот длинный день мне стало по-настоящему грустно.

Молча пили чай, смотрели на улицу. Наконец наступили те тихие минуты, о которых я подумал раньше времени, сразу после обеда,— нам не о чем было говорить. Понемногу смеркалось, сгорал, превращался в сизый пепел степной закат. Чуть посвежело, и откуда-то прилетели звонкие одинокие комарики. Улица опустела, лежала серой, горячей, перетертой в пыль землей — грустной землей, на которой ничего никогда не вырастет. Жизнь вся, до последней капли втекла во дворы, в дома — вернулась туда, откуда утром, захлестнув улицу и не удержавшись в ее берегах, выплеснулась в поля. Дворы звучали, дымили, светились печками и костерками и опять были похожи на живые острова в мертвом степном море.

Сарван встал, молча и сильно пожал мне руку, ушел.

Я сидел, смотрел, как сумерки осторожно, успокоительно обволакивали землю, обещая всему сущему на ней мир и прохладу. Потом на крыльце, белея платьем, появилась бабка, опустилась на ступеньку, сгорбилась. К ней неслышно подобрался теленок, ткнул морду в подол. Потом проступили звезды, сразу, мелкие, будто кто-то метнул в небо горсть цыплячьего проса. В сарае завозились куры, перепуганно прокричал молодой петушок. Потом на озере заиграла гармошка.

В степи стало холодно.

ХИРУРГ, РЕБЕНОК И РОДИТЕЛИ

Марк ПОПОВСКИЙ

Фото Евгения УМНОВА.

Это очень страшно — разлучаться в первый раз.

Детская хирургия — наука молодая. И по молодости лет многое еще в ее судьбе не решено. Но жизнь есть жизнь. Каждый четвертый поступающий в больницу — ребенок. И маленький пациент вовсе не виноват, что дяди в белых халатах не выяснили пока некоторые свои проблемы. Малыша надо обследовать, оперировать и выхаживать, очевидно, как-то по-иному, чем взрослого. Надо, несмотря на то, что в учебниках и руководствах об этом пока сказано мало. Как-то по-иному... Но как?

В специальном, предназначенном для врачей журнале видный московский медик профессор Станислав Яковлевич Долецкий пишет: «Детские хирурги — это специалисты, которые, действуя как хирурги, должны мыслить как педиатры». Как будто ясно. Имеешь дело с ребенком — будь прежде всего детским врачом: добрым, внимательным, понимающим все тонкости детской души и тела. Ясно-то ясно, но быть настоящим детским хирургом тем не менее совсем не просто.

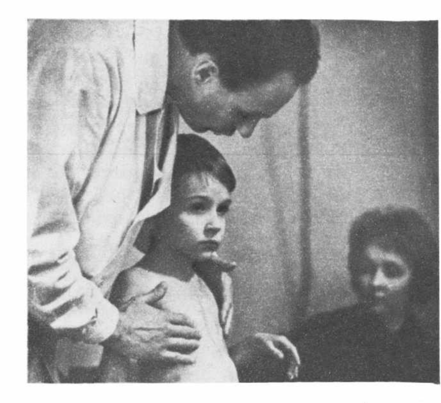
Профессор Станислав Яковлевич Долецкий, директор столичной клиники, где лечатся одновременно триста ребятишек, пожалуй, один из самых неуемных искателей нового. Его клиника — подлинный университет детской хирургии.

...Леночке полтора года. Вот уже вторые сутки, как она в центре внимания целого коллектива медиков. У девочки повышена температура, ее мучает рвота, понос. Какой поставить диагноз? От какого недуга лечить ее? Хирурги подозревают перитонит (воспаление брюшины) или остеомиелит (гнойный процесс в костях). Педиатры толкуют о диспепсии и даже о воспалении легких. В конце концов выясняется, что у Лены воспаление среднего уха — отит.

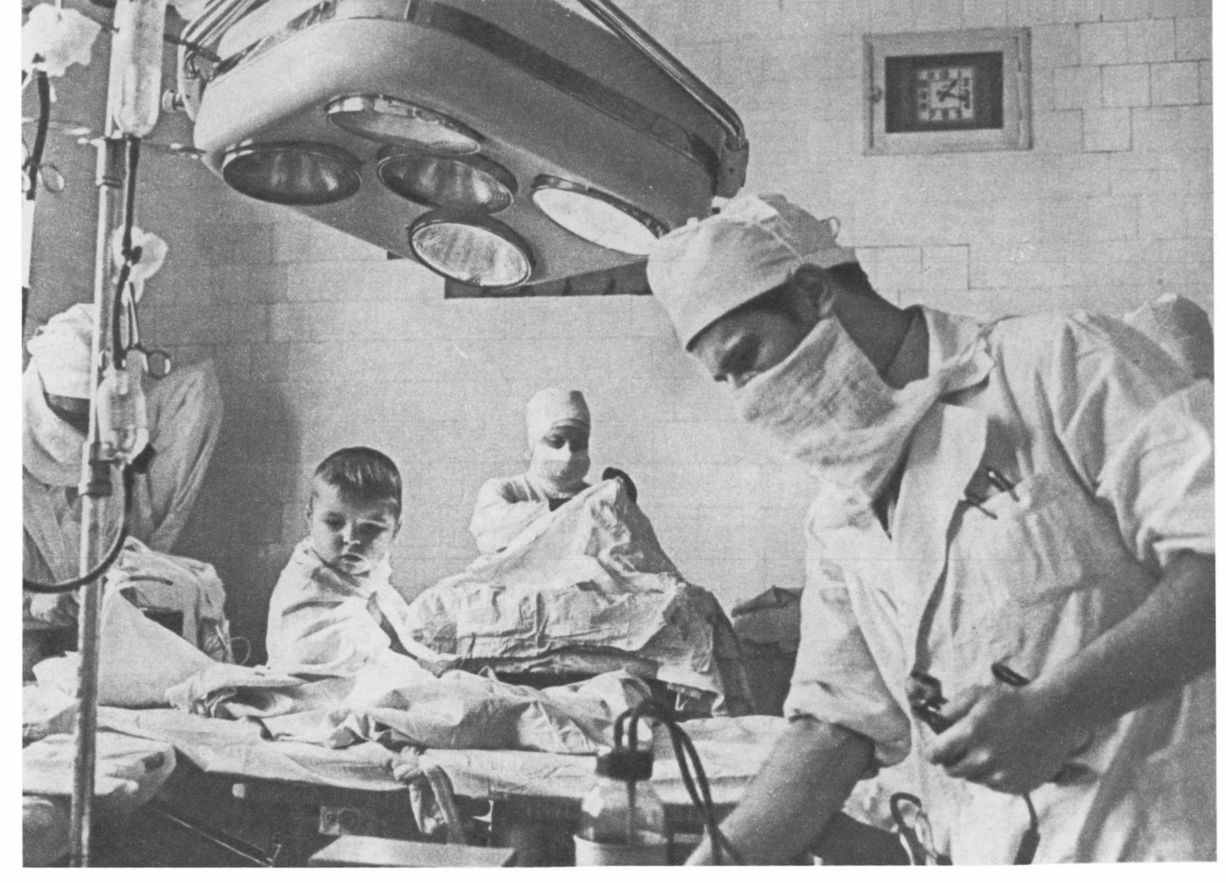
Мне уже слышится брюзжание профана: «Что ж они, не видят, где ухо, а где живот? Доктора, называется!» Не станем спешить с выводами. Практика детского хирурга каждый день полна подобных загадок. Оказывается, у детей (и этим их болезни серьезно отличаются от болезней взрослого человека) из-за незрелости внутренних систем и органов общая реакция — жар, понос и т. д. — всегда проявляется сильнее, чем местные признаки болезни. И чем моложе па-

циент, тем местные симптомы (те самые, по которым врач и может поставить правильный диагноз) слабее выражены. Детский врач то и дело оказывается в положении пожарника, который из-за густого дыма не может разобраться, где полыхает пламя.

Медик пытается расспросить маленького больного. Опять неудача. На вопрос «Где болит?» трехлетний карапуз на моих глазах упорно твердил: «Нигде». Он скрывал болезнь в явной надежде спастись от неприятностей дальнейшего обследования. А ведь лечить приходится и совсем бессловесных.

Их трое: хирург, больной ребенок и мать. О ней, о матери, тоже забывать нельзя.

И нисколечко не страшно!

Пятый час у операционного стола.

Вот тут и начинается «университет» профессора Долецкого. Детский хирург обязан думать не только о симптомах, но и о микросимптомах, самых незначительных знаках болезни. Особенно у новорожденных, у грудных детей. Ничтожная, еле приметная асимметрия живота у такой вот крохи наведет наблюдательного медика на мысль о непроходимости кишечника, чуть заметная припухлость бедра подскажет: здесь перелом.

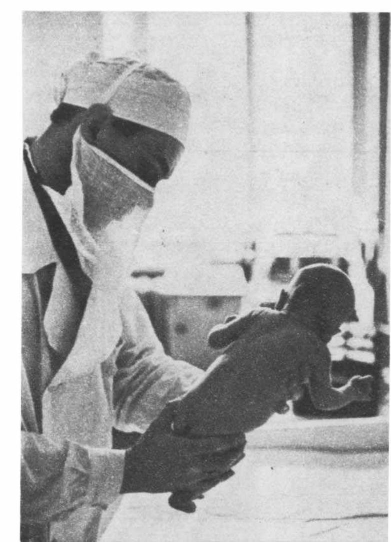
В детской клинике «мелочи» вообще играют куда более важную роль, чем во взрослой. Не так давно на очередном научном совещании детских хирургов города мне довелось слышать доклад профессора Долецкого, который целиком был посвящен таким вот «пустяковым», казалось бы, а по сути, важнейшим, деталям врачебного обихода. Я слушал ученого, и перед глазами, как кадры киноленты, проходили эпизоды виденного в клинике. «Не прикасайся к ребенку прежде, чем хорошенько не согреешь свои руки». Это первая здешняя заповедь. Заповедь вторая гласит, что теплым должен быть и барабанчик фонендоскопа, который врач прикладывает к груди и спине ребенка во время выслушивания. Третья... Заповедей этих не перечесть, хотя все они, в общем, сводятся к простой цели: по возможности не вызывать у ребенка неудовольствия, страха.

Больница, однако, остается больницей. Здесь, как это ни печально, вводят в желудок зонд, и колют больных стальной иглой, и даже оперируют. Страхи и волнения со всех сторон. А разлука с родителями! Это ли не драма, предмет подлинного страдания для маленького человека. Как смягчить для него поток неприятных эмоций? В клинике решили: обманывать ребенка нельзя. Нельзя говорить ему «Все это пустяки!», если предстоит неприятная процедура. Лучше признаться: «Да, будет немного больно. Надо потерпеть. Всем ребятам это делали, и они терпели». Ребенок, может быть, и поплачет, но зато отношения между ним и врачом не обернутся горькой обидой. Предстоящую операцию от ребенка скрывать тоже нельзя. Он узнает обо всем от товарищей по палате и будет томиться от страха и тягостных предчувствий. Детскому хирургу приходится быть и педагогом. Конечно, для каждого возраста есть свои истины: трехлет-

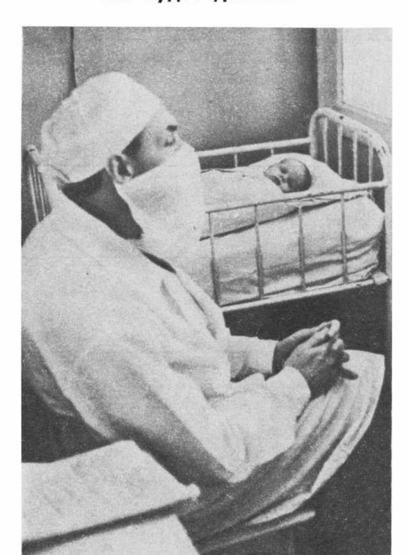

А что скажет рентгенограмма!

Что же с тобой делать, кроха!

«Операция прошла успешно». А что будет дальше!

Выздоровела!

нему малышу нет надобности даже называть слово «операция». Лучше сказать: «Ты заснешь, тебя полечат и погреют лампочкой животик». Здесь нет всей правды, но нет и обмана.

Посмотрите, как спокойно, даже с интересом эта девочка наблюдает за медиками, которые готовятся ее оперировать. Фотокорреспондент подсмотрел обычный, рядовой эпизод из жизни клиники. Девочке не страшно сейчас, ей не будет больно потом, хотя операция предстоит сложная. Это тоже итог работы врачей, тоже «университет» Долецкого.

Но есть в детской хирургической клинике еще одна сторона, совсем уж неизвестная медикам «взрослых» лечебных учреждений.

— Я, право, не знаю,— воскликнул однажды Станислав Яковлевич,— существует ли какая-нибудь другая область медицины, кроме нашей, где врач тратил бы столько времени и терпения для того, чтобы объясняться с родителями, родителями родителей, другими родственниками и знакомыми медиками этих родственников?!

Добавим: и не только время и терпение. Детскому хирургу, который разговаривает с матерью ребенка, нуждающегося в операции, надо иметь в запасе и мужество, и твердость, и такт. А главное, он должен помнить важнейший принцип своей клиники: родителям при всех обстоятельствах надо говорить правду. Это подчас нелегко: мамы и папы бывают разные. Но в любом случае нельзя слишком оптимистично рисовать последствия предстоящей операции. («Безопасных операций у детей не бывает»,— говаривал старый московский хирург Д. С. Терновский, учитель Долецкого.) Но точно так же и запугивать родителей (чем, кстати, грешат в некоторых больницах) тут считается непорядочным. Сдержанная, без болтовни, беседа, опрятный вид хирурга, его серьезный тон наилучшим образом действуют на пап и мам, а через них и на детвору.

Но, может быть, и нет ничего нового в принципах и рекомендациях профессора Долецкого? Доброта, мягкость, внимание — разве это не обычные, даже обязательные качества врача? Как будто так. Но...

Случалось ли вам бывать в крупной хирургической клинике (не детской!) часов в десять утра? Я, пожалуй, сравнил бы царящую здесь в этот час атмосферу с авралом на корабле. В операционной на высшем накале знаний и чувств работают две, а порой и три группы хирургов. Тем временем палатные сестры спешно заканчивают подготовку следующей партии больных, тех, что лягут на операционные столы во вторую очередь. Кого-то везут на рентген, кому-то назначены ванны, инъекции, банки.

И все это надо делать профессионально, то есть быстро, точно, без ошибок. И так ежедневно, из месяца в месяц, из года в год. Люди обучаются работать в этом «корабельном» ритме и хорошо выполняют свои обязанности с точки зрения требований медицинской науки и практики. Возникает профессионализация — вещь чрезвычайно необходимая. Но (диалектика!)... отличный профессионал все чаще забывает, что именно чувствует, что переживает его пациент. Если больной — взрослый, он и сам напомнит врачу о своих ощущениях, потребует внимания, заботы. А ребенок? Кто его защитит от неизбежных издержек профессионализации?

— Мы сами,— говорит профессор Долецкий.— Я знаю, некоторые мои коллеги охотно напомнят мне слова английской пословицы, весьма распространенной среди хирургов: «Чтобы быть вежливым, нужно иметь время». Они считают, что хирург подчас вынужден быть невежливым. Это не совсем верно. Мы действительно очень занятые люди. И тем не менее для доверенных нам маленьких пациентов мы обязаны оставаться детскими врачами. А это значит, что каждый из нас будет внимательно и, не побоюсь сказать, ДОЛГО осматривать каждого вновь поступающего к нам малыша, спокойно, без спешки готовить его к операции и даже найдет время для того, чтобы просто так несколько раз побеседовать со своим подопечным в палате. Это наш долг перед ребенком, родителями и перед своей молодой профессией — детской хирургией.

МЫ ИЩЕМ НЕФТЬ

Ю. САЛИН

Записки геолога

Когда мы бываем в поисках, нас часто спрашивают: «А что вы ищете?» — и мы становимся в тупик. Дело в том, что мы непосредственно ничего не ищем, но наши работы в далекой перспективе связаны с поисками нефти. А сказать: «Ищем нефть» — значит сразу получить встречный вопрос: «Ну и как, нашли?» Да нет, не нашли. Все очень сложно, и коротко не объяснишь. То, что валялось под ногами и что легко было обнаружить, давно обнаружено. Остались только такие полезные ископаемые, которые никак себя на поверхности не проявляют и даются в руки с большим трудом. Поиски почти всех таких «трудных» полезных ископаемых очень специфичны и представляют собой, по сути дела, целые новые отрасли науки.

Научное содержание работ разных отрядов очень различно, но внешне все они выглядят совершенно одинаково. Мы лазаем по обнажениям, выколачиваем образцы из каждого пласта, замеряем компасом углы падения и направления простирания пластов, описываем их. Изо дня в день все те же песчаники, серые, а иногда даже с зеленоватым оттенком, пересеченные тонкими белыми прожилками.

Но полевой сезон — это не только маршруты, обнажения, неизбежные споры на геологические темы, разочарования и открытия. Поле — это и вьючные переходы, и разговоры у костра, и пешеходные многодневные маршруты, и новые, интересные люди, и охота, и дождь, холод, комары. Я расскажу о том, как мы живем.

ПЕРЕХОД

В отряде нас пятеро. Еще совсем недавно Иван Лексаныч колесил на своем «газе» по камчатскому бездорожью, Саня учился в институте, а Женька — в школе. С Колей мы работаем вместе уже второй год. Коля — начальник нашего отряда. Все мы на несколько месяцев полевого сезона одинаково ограничены в выборе друзей и знакомых обществом других четырех и одинаково оторваны от остальных трех миллиардов населения земного шара.

Сегодня — переход... Сопки пологие, сглаженные, долина реки узкая, с оплывшими вязкими склонами, из которых торчат грязные бесформенные глыбы. Такими же глыбами, иногда величиной с дом, завалено русло. Вода мутная, густая от глины, как каша, мечется между камнями, кипит.

Кони то и дело падают, оступаясь на камнях. Нет никакой уверенности, что на следующем шаге они не поломают себе ноги. Пробуем выбраться наверх, туда, где глина немного заросла травой.

Осторожно, едва дыша, идет Тарапул по склону. Прежде чем наступить, он пробует ногой почву и лишь потом переносит на нее всю тяжесть тела. Иногда дерн под ногами срывается, и Тарапул медленно едет вниз по склону. Чуть только скольжение замедляется — и Коля легонько дергает за повод и понукает его: ждать тоже нельзя, здесь все ненадежно. Так, сантиметр за сантиметром, Тарапул наконец добирается до твердой почвы.

Арарат — тяжелый и горячий конь. Чуть только у него срываются ноги, он делает панический прыжок вверх, но задние ноги уходят глубоко в глину. Бешено вращая глазами и храпя, он бросается из стороны в сторону, а ноги вязнут все глубже и глубже. Еще один истерически мощный толчок передними ногами — и тяжелый конь встает свечкой. Я изо всех сил тяну за повод, но он медленно, очень медленно клонится назад. Повод лопается. Арарат делает сальто и грохается вьюками о камни, пытается встать, но не удерживается. Второе сальто, третье — и он летит в воду, прямо на камни. Я закрываю глаза...

Но конь жив. Его заклинило вьюками между двумя огромными глыбами. Он молотит копытами воздух, судорожно дергается, пытаясь перевернуться. Коля бросается к нему и, рискуя попасть под удар могучих копыт, добирается до подпруг. Освобожденный от вьюков, конь встает на ноги, тяжело дышит, со свистом всасывает воздух, раздувая горячие грязные бока. Мокрая челка свисает на расширенные и мутные от страха глаза. Рыжий проделал примерно тот же акробатический комплекс, но сам встал на ноги и теперь, дрожа от возбуждения, пытается сохранить равновесие в бешеном потоке.

Выводим коней на безопасное место и идем искать вещи. Сахар нашли в воде, осколки бутылки с диметилфталатом — на камнях, а тюк с резиновой лодкой преспокойно застрял в кустах. Сначала я принял это за случайность и не придал значения. Когда это повторилось во второй раз,— удивился, в третий — возмутился, а после седьмого подъема построил «философскую» теорию, которая объясняла все и помогала в поисках. Если у нас падала соль, я сразу лез в воду и находил ее там, потерянный компас или барометр я безошибочно отыскивал на камнях под обрывом. Если самые тяжелые вьюки падали ниже всех, я знал: земное притяжение здесь ни при чем, это происходит потому, что их тяжелее всего тащить наверх. Я знал, что палатки и спальные мешки красят в зеленый цвет специально для того, чтобы их было труднее отыскивать в траве и кустах, а Арарат и Тарапул только и мечтают, как бы разбиться о камни. Все это было очень неприятно, но я вспоминал, как на занятиях по философии нам говорили, что осознанная необходимость и есть свобода, и меня это сразу утешало. Как это хорошо — еще раз убедиться в могуществе диалектики!

НОЧЛЕГ

Наконец наступает момент, когда Коля обращается к нам, уставшим до полного безразличия: «Кажется, хорошее место, как вы думаете?» Мы равнодушно пожимаем плечами, ожидая его окончательного решения. «Хорошо, остановимся!» И мы оживаем. Быстро сбрасываем вьюки, отпускаем подпруги. Разгоряченные кони с облегчением поводят запавшими, мокрыми от пота боками. Они не торопятся начинать щипать траву или пить, постепенно приходя в себя от невероятной усталости.

Быстро поставлены палатки, разобраны вьюки, а Иван Лексаныч тем временем разжигает костер. Дрова в этом мрачном месте — только сырая, полугнилая ольха, идеальный материал для несгораемых шкафов, но у Ивана Лексаныча в костре и она горит весело и жарко.

Мы собираемся у огня. Кто сидит, подложив под себя спальный мешок или телогрейку, кто притащит удобную корягу, а самые усталые ложатся прямо на землю. Мы не разговариваем, не двигаемся, даже не ждем ужина, просто сидим и молчим. Иван Лексаныч черпает ложкой из кастрюли.

— Вроде соли маловато. Попробуйте кто-нибудь...

Молчание.

— На! Попробуй,— обращается он к кому-то персонально.

— Да ну, чего ее пробовать... хватит!..— А в неподвижных глазах все так же отражается пламя костра.

...Каша готова. Мы ужинаем, потом долго сидим у костра, пьем очень крепкий и очень горячий чай, смотрим на огонь и молчим. Вокруг — темнота, густая и мягкая. Взгляд отдыхает...

После третьей-четвертой кружки чая завязывается разговор, сначала деловой, спокойный:

— Кони где?

— Там, за кустами, слышно...

— Как бы не ушли ночью...

— Куда они денутся... после такого перехода...

Потом темы разговора становятся разнообразнее. Врут, кто во что горазд. А врать у нас все горазды. Вспоминаем переход, обмениваемся мнениями, скоро ли пойдет нереститься горбуша, поддразнивая друг друга, обсуждаем завтрашний переход. Не забудется и кино и анекдоты, обязателен рассказ из серии «...а у нас в Якутии...» или «...один наш парень...». Есть здесь были, похожие на небылицы, и небылицы, уж никак на быль не похожие, и все выдается за чистейшую правду, а для неверующих тут же на месте выдумываются новые, наиубедительнейшие подробности, о которых еще вчера сам автор не имел ни малейшего представления.

День заканчивается. Завтра опять тяжелый переход, надо как следует выспаться. С наслаждением расслабляешь все мышцы, все мысли... Засыпаешь...

«Я ЖИВУ!»

Иван Лексаныч увидел на реке оленей и вместо того, чтобы сразу идти за карабином, сначала прибежал ко мне и начал орать:

— ...Понимаешь... я пошел с чайником воды набрать, а они стоят, пьют... А рога! Вот такие... Один голову поднял — вода с морды капает. Понимаешь? Капает...

Я не понимал. Ну, чего особенного, конечно, капает, если голову поднял. Иван Лексаныч смотрел на меня недоуменно.

— Не понимаешь?.. Ну... Я смотрю, а у него с морды... вода капает.

И, возбужденный, подпрыгивающей рысцой, все еще с чайником в руке, я побежал за карабином. Олени, конечно, убежали при первых же раскатах Лексанычева шепота.

...В самом начале войны, на западной границе, под городом Лида, Иван Лексаныч попал в плен.

М. Касьянова (Горький). ХОХЛОМА.

В. Стожаров (Москва). КАРГОПОЛЬ. СКЛАДЫ.

И. Богданова (Москва). ИГРУШКИ.

За четыре года познакомился со многими немецкими лагерями, объехал половину Германии.

— Знаешь, из чего делают балласт? Из гравия? Нет. Из щебня. Вот мы этот щебень и били... Чуть только вздохнешь, сразу немец: «Шнель, шнель, руссише швайн!» Подойдет и ударит ладошкой по лицу... И не скажешь ничего, только подумаешь: «Ах ты, зверюга этакая...»

В сорок пятом Ивана Лексаныча освободили американцы, и он чуть не стал «гражданином мира», да повезло, вернулся домой. Снова работал шофером, проработал без нарушений и аварий пятнадцать лет, так и прожил бы без изменений до пенсии, если бы...

— Ты ведь знаешь, нам можно выпивать только по выходным, ну, а я один раз...

Бывают у шоферов моменты, когда особенно не хочется иметь дело с милицией. И надо же было милиционеру именно в это время остановить Ивана Лексаныча — просто проверить документы.

— Они тоже ведь хитрые, когда с шофером разговаривают, всегда под ветер становятся...

Все было ясно. У Ивана Лексаныча отобрали водительские права, предоставив на целый год неограниченную возможность выпивать не только по выходным. Ему было все равно где работать, а мы как раз набирали рабочих.

Человек, никогда раньше не бывавший наедине с природой, внезапно попал в самые глухие места планеты. Как ребенок, восхищался величественными скалами, обилием рыбы и тем, что медведи ходят прямо на виду и он может смотреть на них сколько угодно! Иван Лексаныч замирал на месте от восторга или вдруг оглушал нас своим восхищенным громоподобным шепотом. Но не только экзотика производила на него такое впечатление. Иногда у костра, или просто на солнышке, или в самые тяжелые минуты перехода на его лице можно было заметить все то же радостное выражение, а я долго не мог понять: отчего это? И только когда я вспомнил про войну, плен и голодовки, я понял: Иван Лексаныч просто живет и отдается этому ощущению — живу!

Вот начался дождик, Тарапул тянет за повод, вот пролетела птичка, портянка сбилась... Да при чем же здесь Тарапул, портянка?.. Ведь это я живу! Живой!

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ДРЕВНОСТЬ

Мы помогаем друг другу надеть рюкзаки. Стоишь, согнувшись в три погибели, руки бессильно свисают до земли, рюкзак уводит то в одну, то в другую сторону, как штанга на помосте. Делаешь первый шаг и убеждаешься, что второго сделать уже не сможешь. Делаешь второй шаг, третий, проходишь первые десять метров и удивляешься, что еще идешь.

Проходишь первые десять километров. Хочется идти еще и еще. Рюкзак стал частью собственного тела, цель впереди кажется совсем близкой. Солнечная галечка звонко отсчитывает шаги, остающиеся за спиной. Но нам весело. Очень хочется наступить Коле на пятки.

Еще десять километров. Сапоги впереди шагают все так же ровно и мощно, как будто нет за спиной рыхлого песчаного пляжа, осыпей и перевалов. Хорошо идти след в след за сапогами сорок пятого размера! Идти и ни о чем не думать. Какое мне дело, сколько еще осталось километров и сколько у нас времени! Коля впереди, Коля все знает и рассчитывает. А мне надо только не отставать ни на шаг, потому что догонять труднее. И лучше всего так: след в след, след в след...

Еще десять километров. Перевалы стали выше, круче, рюкзак тяжелее, а сапоги впереди шагают все в том же ровном и неумолимом темпе. Живот прилипает к спине, шея болит так, будто весь день стоял на голове, в глазах темно, ноги дрожат... В голове, которая когда-то могла даже решать интегралы, бьется единственная коротенькая мыслишка: еще шаг, еще один, только один, а теперь еще один...

Ну разве может по богатству и глубине впечатлений сравниться с этим древним способом передвижения любой самый современный?

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЕТА

Обработали все участки, до которых можно было добраться на лошадях. Оставались самые труднодоступные.

Мы идем по берегу океана мимо устьев рек Первой и Второй к устью реки Третьей. Все крупные реки в нашем районе носят такие романтические названия, ласкающие слух, как ветер дальних странствий: Четвертая, Пятая, Шестая... Первооткрывателями на Камчатке наверняка были бухгалтеры. Названия гор тоже не блещут разнообразием. Половина из них — Безымянные, остальные — Острые или Крутые, а господствующая в районе высота получила название — гора Коврижка. Все-таки обидно. Ведь есть же где-то Лимпопо, Сьерра-Невада, мыс Доброй Надежды, бухта Радости! А у нас Коврижка! Единогласно переименовываем ее в Сьерра-Коврижку и удовлетворенные продолжаем путь.

В пешеходном маршруте приходится обходиться безо всякого комфорта. Диета строгая, как у полнеющей балерины. Нет у нас ни спальных мешков, ни телогреек, нет даже запасных портянок: чем больше возьмешь вещей, тем меньше продуктов, тем меньше времени сможешь работать в маршруте.

Целыми днями пропадали мы на обнажениях, изучали геологическое строение, собирали фауну. Для сборов иногда надо было залезть на обрыв. Мы привязывали к дереву или к камню на верху обрыва веревку и спускались на стенку. Упругий капрон мягко пружинил, и, пока мы к этому не привыкли, просто дух захватывало, даже спиной мы чувствовали высоту обрыва. Через несколько часов работа становилась привычной и увлекательной. Саня решил, что бегом передвигаться по стенке гораздо проще. Веревка позволяла свободно перемещаться по дуге, и Саня бегал туда и обратно, от одного пласта к другому совсем как маятник. Но только маятник свое «тик-так» всегда произносит негромко и солидно, а Саня очень несолидно орал: «Ой, Юрка, как здорово!»

За целый день работы ноги настолько привыкают к вертикальной плоскости, что, когда снова спускаешься на горизонтальную, с непривычки дрожат и отказываются держать тело.

Вечером разжигаем костер, вешаем над ним кастрюлю и портянки и дремлем, уткнув носы в колени. Уже в полусне замечаем, как закипает вода.

Набиваем желудки кашей, одной кашей, потому что с охотой нам до сих пор не везло. То встретишь мишку уже в темноте, то бежишь наперерез одному, натыкаешься на другого, стреляешь уже вдогонку и спугиваешь еще трех, которые спали неподалеку. Все пять уходят невредимыми, унося в своей шкуре по несколько центнеров медвежатины, а в меню по-прежнему одна каша.

Кастрюля пуста, а есть хочется еще больше, чем до ужина.

Днем все чаще на нас нападает полусонное созерцательное настроение. Мы молча сидим рядом и смотрим вокруг.

— А наши скоро начнут учиться,— задумчиво говорит Саня (он ведь студент),— сейчас уже все, наверное, съехались... Вот в общежитии весело!

Мы опять сидим и молчим.

— Как бы мне не попало.

— Не бойся, Саня. Справку тебе дадим с круглой печатью. Любой декан поверит. «Настоящим сообщаем, что студент Сясько не смог вовремя выйти из района работ отряда, так как вследствие сильных ливней океан вышел из берегов и затопил все пути сообщения».

...В лагере нас встречает обрадованный Женька. Мы пришли первыми, мы для Женьки долгожданное избавление от одиночества, переносить которое он еще совершенно не умеет. Это видно сразу. Физиономия у него давно не мытая, около костра — ни полена, в кастрюле — недоваренный горох, покрытый многодневной, уже заплесневевшей корочкой.

— Ты что, совсем не умывался?

— Почему? Умывался...

— А что ты ел?

Женька сначала хочет соврать, что варил, даже каждый день, но он слишком рад, что наконец-то мы пришли, и сознается:

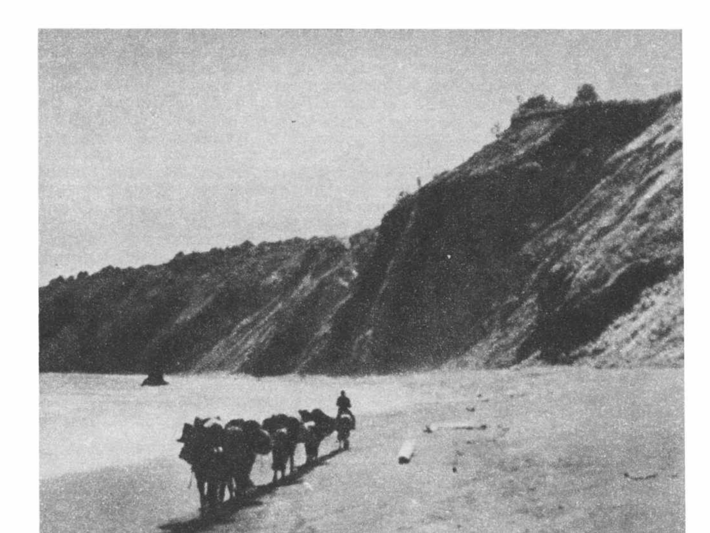
— Ел крупу...

* * *

Много таких отрядов, как наш, работает по всей огромной территории полуострова. И нефть на Камчатке обязательно будет найдена. Пусть найдет ее другой отряд, все равно в этом большом открытии будет доля и нашего труда, и если тогда меня спросят: «А что вы нашли?» — я отвечу: «Мы нашли нефть!»

Фото А. Цикунова.

После удачной охоты.

Фото В. Смирнова.

СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ

На пограничную заставу они приехали вдвоем. Одного из них солдаты и офицеры узнали сразу. То был космонавт номер один Юрий Алексеевич Гагарин. И, конечно, замполит собрал личный состав заставы по случаю прибытия героя-космонавта. Космонавт поздоровался и, улыбнувшись, сказал:

— По правде говоря, товарищи, я не готов к такому торжественному приему. Приехал к вам просто отдохнуть: порыбачить и поохотиться. Если не возражаете, отдохну с дороги, а потом поговорим.

Юрий Алексеевич повернулся к стоявшему рядом с ним рослому, широкоплечему человеку и сказал:

— Леша! Пошли.

Вскоре оба, захватив ружья и удочки, ушли в лес. Вернулись поздно вечером. По веселому настроению и оттопыренным ягдташам нетрудно было догадаться: охота удачная. Рано утром, с зарею, космонавт и неотступно следовавший за ним Леша снова скрылись в густом камыше за озером. Младший сержант Владимир Смирнов, оказавшись недалеко от космонавта, нацелил фотообъектив, когда он и его друг сели в резиновую надувную лодку.

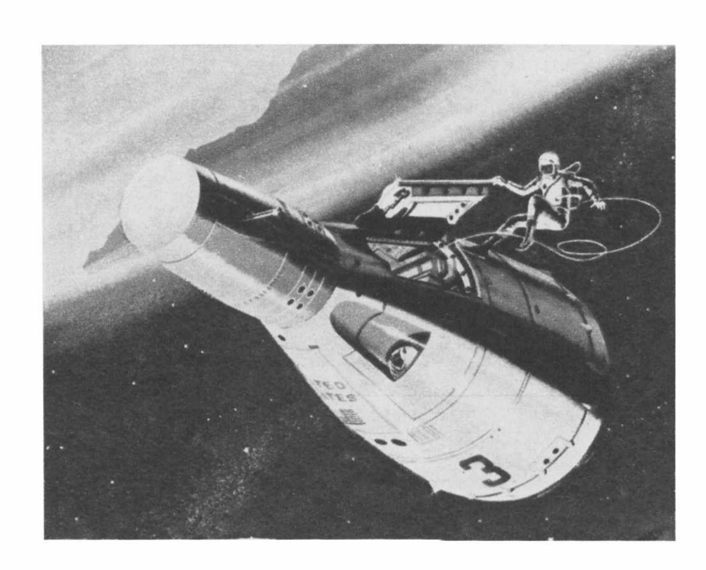
Вечером Юрий Алексеевич пришел в Ленинскую комнату, где собрались солдаты, офицеры и их семьи. С увлечением Гагарин рассказывал о предстоящих космических путешествиях, отвечал на вопросы, а его друг молча слушал.

Вначале предполагали, что Юрий Алексеевич и его друг пробудут на отдыхе несколько дней. Но неожиданно Гагарина срочно вызвали в Москву. Вместе с ним уехал и Леша. Расставание было трогательным. Владимиру Смирнову удалось сделать еще несколько снимков.

На днях на заставу пришли газеты с портретами новых советских космонавтов, и пограничники увидели знакомое лицо: Леша! Так вот кто приезжал к ним на заставу с Ю. А. Гагариным! Алексей Архипович Леонов — советский летчик, космонавт, который, надев специальный скафандр, покинул корабль «Восход-2» и первым проложил в космосе человеческую тропу.

Пограничники были очень рады. Пусть чисто случайно, но все же именно им удалось раньше многих других увидеть будущего космонавта, человека беззаветной смелости.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

Новые американские летчики-космонавты Джон Янг и Вирджил Гриссом.

ДОГОНЯЙТЕ!

Ким БАКШИ,
заведующий отделом науки журнала «Огонек»

Передо мной рисунок: космонавт выходит из корабля. Это не иллюстрация к научно-фантастическому рассказу. И публикуем мы его не для того, чтобы показать, как неумолимо жизнь догоняет фантастику. На рисунке, распространенном информационным агентством США, изображен американский летчик-космонавт, который, согласно проекту «Джеминай», в будущем должен выйти в «открытый» космос.

23 марта в США осуществлен первый полет двух американских космонавтов в одной кабине. Они сделали три витка вокруг Земли.

Вот имена новых космонавтов: пилот Гриссом, астронавт США № 2; в июле 1961 года он сделал «бросок» в космос, проявил большое мужество, когда капсула из-за неисправности стала тонуть в океане. Второй — 34-летний Джон Янг.

Первоначально предполагалось, что один из летчиков в космосе высунет из корабля голову и плечи. По-видимому, этого не произошло. Выход из корабля авторы проекта «Джеминай» планируют осуществить во время следующего полета, когда космонавт, прикрепленный семиметровой фалой, сможет парить в невесомости, как это изображено на американском рисунке и как это сделал в действительности советский летчик-космонавт Алексей Леонов.

«Полет человека в космосе — это колоссальное испытание. Некоторым оно не нравится, но оно захватывает воображение многих людей в разных странах. Это не только изучение космического пространства и Луны, это — испытание ракетной мощи, электроники, качества материалов, навигации, физики и, наконец, самого человека»,— пишет в связи с проектом «Джеминай» доктор Роберт Джилрут из Национальной администрации по аэронавтике и изучению космического пространства (НАСА).

Справедливые слова! Советская наука и техника, советский человек блистательно выдержали это испытание, снова подтвердили свое первенство.

Мы поздравляем новых американских космонавтов и желаем им дальнейших успехов. И мы говорим им: догоняйте!

ГЕР

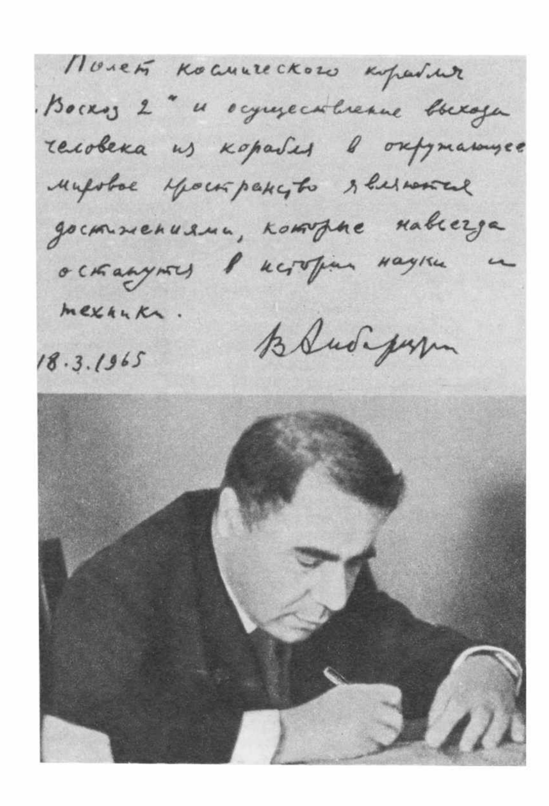
Джеймс ОЛДРИДЖ

Герой значит для меня очень много, потому что герой — это человек, поднявшийся над собой и надо всем обычным, что его окружает, чтобы показать — пусть даже на короткий момент — то лучшее, что есть во всех нас. Я всегда видел в герое не существо высшего порядка, а человека, сделанного из того же материала, что и мы, которые способны на такие же свершения, если вокруг нас будут такие же обстоятельства.

Мы не можем все быть Алексеями Леоновыми, выходить из космических кораблей и делать сальто-мортале в космосе, следя за тем, какой эффект оказывает это на наши тела. Я, например, не смог бы сделать это. И по-честному большинство из нас скажет себе, что они не способны на такое. Но отвага и дисциплина, которые дали Леонову полный контроль над его чувствительнейшими нервами, над самим биением сердца, которое должно было оставаться спокойным и ритмичным в то время, когда он ступал в невероятное неизвестное,— вот что составляет истинную сущность человека.

Это, конечно, больше, чем просто смелость.

Алексей Леонов не сверхчеловек. Он просто человек. Может быть, в его подвиге это самое ценное. В течение двух тысячеле-

Полет космического корабля „Восход 2" и осуществление выхода человека из корабля в окружающее мировое пространство являются достижениями, которые навсегда останутся в истории науки и техники.

18.3.1965

тий герои человечества были подражанием древним богам — греческим, скандинавским, христианским, мусульманским. Мы бессознательно меряем своих героев той странной меркой, которую оставили в наших умах старые легенды. Некоторые даже старались питаться так, чтобы быть похожими на богов, а иногда целая система образования создавалась на предпосылке, что качества богов из древнегреческих мифов должны стать основой ценности человека (английская система частных школ практикует это).

В образах американских космонавтов, например, есть какой-то элемент «сверхчеловека» Ницше, и их описывают — хотят они этого или нет (наверное, нет)— как некую элиту «высшего» общества, правящего миром.

Леонов лучше, чем этот образ.

Одна из самых привлекательных черт в Юрии Гагарине та, что он был литейщиком. Каждый литейщик в мире узнал в нем брата. Каждый человек, кто трудится, приобрел друга.

Каждый человек, кто смотрит на лицо Леонова, знает, что это не маска, надетая для эффекта, он узнает в леоновском лице свое, точно смотрит в зеркало. Такое лицо мы видим в зеркале по утрам, когда бреемся.

И еще одна вещь чрезвычайно важна в этом подвиге — товарищество. Леонов должен был иметь абсолютную уверенность в ученом, который послал его туда и который разработал миллион тех процессов, которые происходили вокруг него. Одна ошибка — и космонавт оказался бы под угрозой. И уверенный голос Павла Беляева поддерживал его, когда он совершал свой прыжок в ничто. Голос его друга был той цепью, которой он был связан с человечеством, весь мир под ним ничего не значил.

На первый взгляд у Беляева была роль поскромнее, но я не сомневаюсь, что сам Леонов прекрасно понимал всю огромную важность этой роли. Если верить медицинской науке, тридцать девять лет — несколько многовато для того, чтобы быть космическим пионером, но двадцатилетний опыт летчика — это то, что нужно брать с собою в космос.
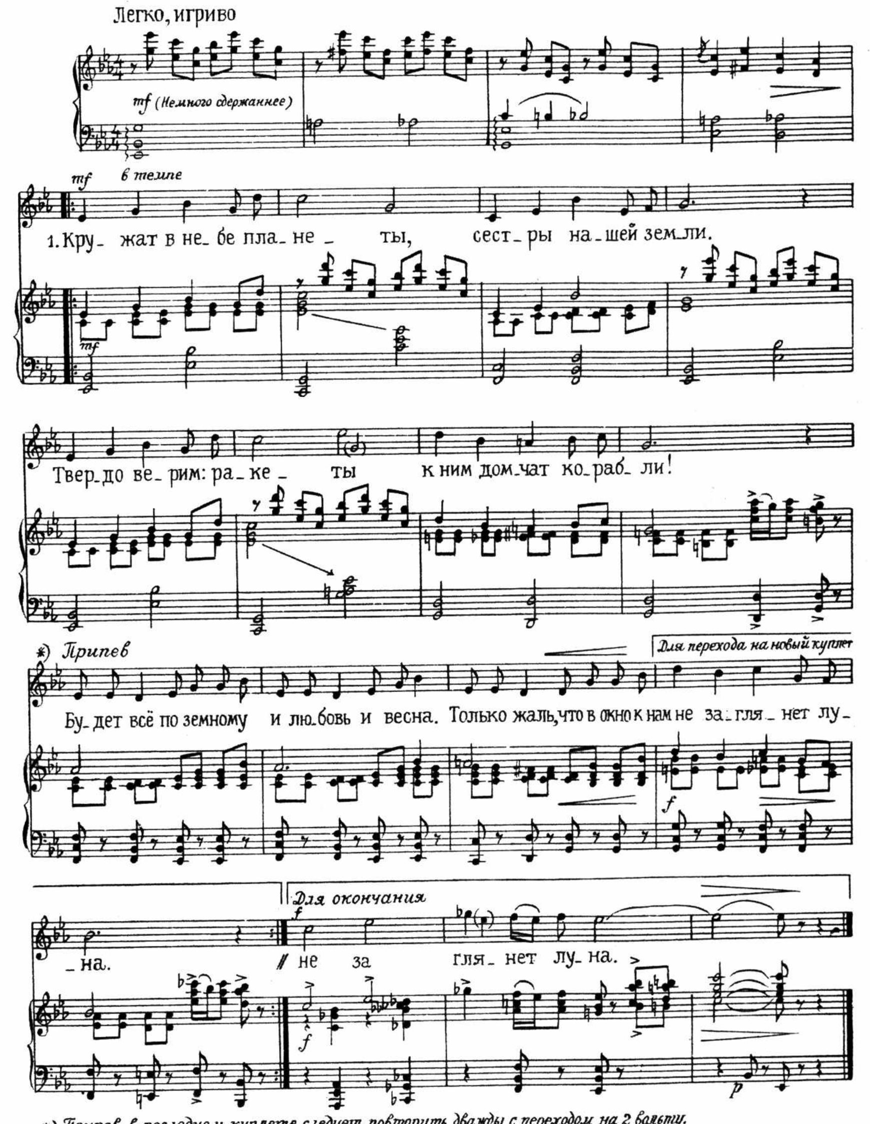
В подвиге Леонова есть одно любопытное обстоятельство. Когда он ступил в свободный космос, он перестал быть с антропологической точки зрения человеком, а стал чем-то иным. В течение двадцати минут он сделался особой разновидностью «гомо сапиенс», потому что все окружение его изменилось настолько, что все характерные черты, которыми определяется принадлежность к человеческому роду, изменились. Он вернулся к нам человеком и будет человеком всегда, но тем не менее он стал первым из той разновидности человека, которая когда-нибудь возникнет в космосе, вне земной атмосферы.

Героями не рождаются, а становятся. Леонов и Беляев стали ими.

С того момента, когда ракета подняла их ввысь, и до приземления космонавты жили в будущем. Это подчеркивает их принадлежность к социалистическому обществу, которое само по себе — неизбежное будущее для всего человечества.

Лондон.

(Материал передан для «Огонька» через агентство печати «Новости».)

*) Припев в последнем куплете следует повторить дважды с переходом на 2 вольту.

Кружат в небе планеты

Слова Александра РОМАНОВА. Музыка Бориса МОКРОУСОВА.

Кружат в небе планеты —
Сестры нашей Земли.
Твердо верим: ракеты
К ним домчат корабли!

Припев:

Будет все по-земному —
И любовь и весна.
Только жаль, что в окно к нам
Не заглянет Луна.

Для начала слетаем
Мы счастливой семьей
На Луну, что считаем
Частью жизни земной.

Припев.

Счастья большего ради
Лунный мир обживем,
Там березки посадим,
Соловьев разведем.

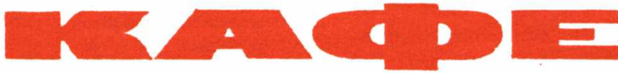
Припев.

Кружат в небе планеты —
Сестры нашей Земли.
Твердо верим: ракеты
К ним домчат корабли!

Припев:

Будет все по-земному —
И любовь и весна.
Только жаль, что в окно к нам
Не заглянет Луна.

РАЗГОВОР В КАФЕ

Н. ХРАБРОВА

Фото М. САВИНА.

В тот вечер оттепель бродила по улочкам старого города, смывала с тротуаров комья истоптанного льда. Город был тих в темноте и немного загадочен, как все вечером, когда на улицах встречается свет звезд, окон и реклам. В этом свете неясно угадывалась блокада холмов, со всех сторон охраняющих город, немые утесы костелов, отдыхающие плечи кранов. Улицы в эти часы меняют голос, они не гудят, не тарахтят, не ворчат — они шепчутся, смеются, тихонько поют. В эти часы ходит по старому Вильнюсу молодежь. Хочется узнать, чем живет, о чем она думает. Вот мы и идем за ней по улице Людас Гира, доходим до дома № 22. Здесь на экране оконной занавеси движутся тени, и, когда открывается дверь, дерзновенно вылетают синкопы. Неужели всего-навсего обыкновенное кафе с модными столиками, с коньячными рюмочками и джазом, каких много нынче везде?

А кафе не такое. Столы тут большие, рассчитанные на дружные компании. Еды не бывает, только кофе и соки. Зато столы завалены газетами и журналами, есть даже самые дефицитные. Под эмблемой вильнюсского джаз-клуба играет джаз. А в перерывах к микрофону садится молодой человек и что-то очень серьезно говорит по-литовски.

— Инспектор Министерства финансов Римас Деркинтис,— поясняет директор кафе Валерий Корешков.— Римас сейчас рассказывает об истории джаза, он у нас президент джаз-клуба. Своеобразное совмещение интересов, правда?

С этим нельзя не согласиться. У самого Валерия тоже своеобразное совмещение интересов: вечером он директор кафе, а днем инструктор горкома комсомола.

— Вот еще один пример такого совмещения: Юра Стукалин,— продолжает Валерий.— Он работает токарем на художественном комбинате, а увлекается скульптурой из корней деревьев. Это его работы выставлены у нас, и выставка называется «Природа фантазирует»... У окна сидят историки и филологи из университета, рядом с ними — студенты из художественного института, а за большим столом у стены — «Сигма».

— То есть?

— Ну да, «сигма». В математике — знак суммы, в переносном смысле, конечно,— туманно говорит Валерий и уносится куда-то, а мы направляемся к столику «Сигмы» и знакомимся.

— Так называется наш молодежный клуб,— рассказывает о «Сигме» Альгис Будрюнас, конструктор завода счетных машин.— Человеку ведь мало вариться только в своем рабочем котле, пусть даже в таком сверхинтересном, как наш. «Сигма» — это сумма знаний обо всем. Мы приглашаем к себе художников, архитекторов, писателей, композиторов, инженеров других профессий и сами ходим к ним в гости. Нам нравится бывать и здесь, в молодежном кафе. Тут часто происходят интересные встречи и дискуссии. Вот и сегодня. Римас Деркинтис призывал относиться к джазу хорошо и серьезно, и наши инженеры высказались за это. Но тут же поспорили и пришли к единому выводу: джазовая музыка — хорошо, а симфоническая — лучше. И разговор пошел о том, кто что любит.

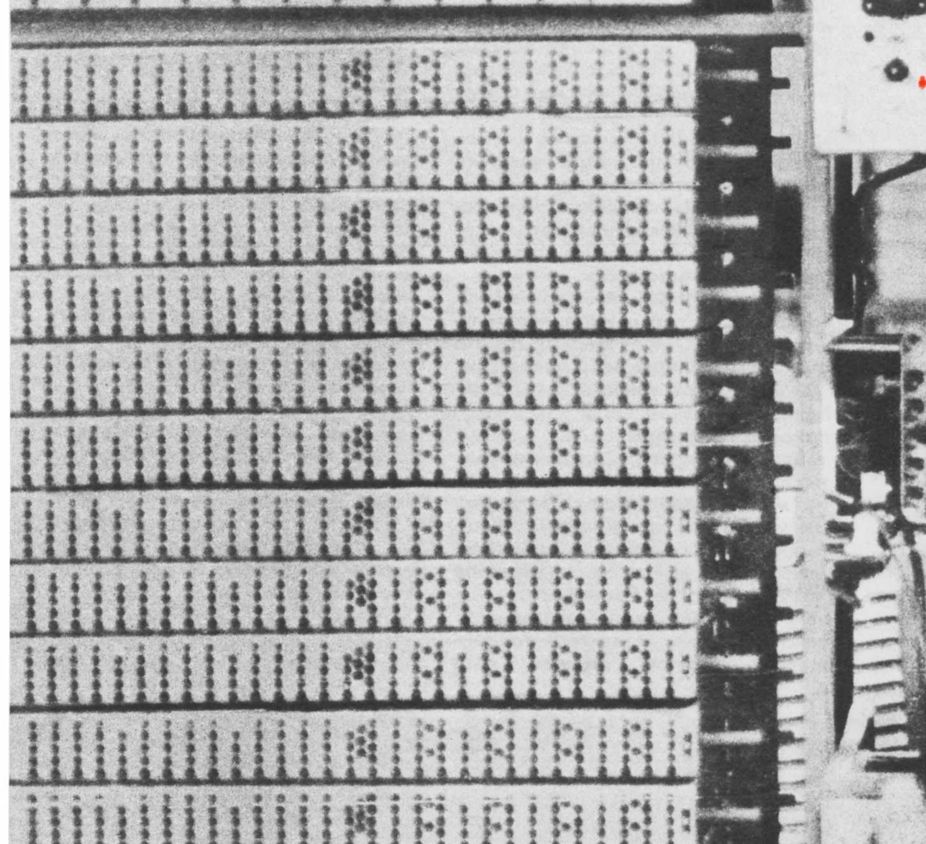
Шарунас Раудис вспомнил о работе туристической секции «Сигмы», и мы узнали, что на заводе есть ребята, которые штурмовали вершины Кавказа и ледники Памира, а некоторые плавали чуть ли не по всем большим сибирским рекам. Поговорили о выставках живописи, о новинках литовской литературы... Ну, а потом Будрюнас рассказал, что «Сигма» хоть и есть сумма разносторонних сведений, а свою главную — электронную — линию соблюдает неукоснительно. Некоторые ее члены, люди с далеким заглядом в будущее, уже готовят себе смену: руководят кружком кибернетики в Доме пионеров, помогли ребятам сконструировать школьного «Экзаменатора», теперь вместе делают «Спортивного судью».

Так тихонько подошла к нашему столу Кибернетика, и уже не покинула нас. Она будила воспоминания:

— Знаете, при панской Польше Вильнюс считался Польшей-Б. В Польше-А предусматривалось развитие культуры и промышленности. Польша-Б — Вильнюс и прилегающий к нему кусок Литвы — не развивалась ни в каком смысле...

Кибернетика рассказывала о настоящем:

— Мы все тут друзья не только по заводу, а и по институту — все кончали Каунасский политехнический. Он открылся после войны, и он-то, собственно, и строит теперь Литву — где только нет нашего брата! Одни проектируют дома и города, другие их строят, третьи создают химическую промышленность, четвертые — электростанцию... А мы вот приручаем импульсы, делаем из них математиков.

Кибернетика призывала не ограничиваться разговором в кафе, а посмотреть ее владения...

Утренний автобус везет нас мимо новых и старых домов, по перестраивающимся улицам. Мелькнула старая церковь с монастырем, пошли домики — сначала дачные, потом совсем деревенские. А потом опять начался город: новенькие, с пестрыми балконами и широкими окнами корпуса. Вдали анфилада железобетонных пролетов, окруженных огороженным полем. Кибернетика требует размаха: скоро начнется строительство второй очереди завода счетных машин.

Продукция завода в готовом виде—наглухо закрытые шкафы разной высоты и величины. А внутри каждого шкафа!.. Тьма-тьмущая тонких цветных электропроводов, туго стянутых в жгуты со стоглавыми ответвлениями. Мерцающие галактики импульсных ламп. Виртуозные схемы соединений проводов с лампами. Можно на осциллографе посмотреть, как выглядит прирученный и наученный счету импульс: мгновенно мелькнувшая зеленая вертикальная черточка.

Множеством талантов наделены машины, которые выпускают наши знакомые инженеры. Тут и разные виды перфораторов, они могут считывать карандашные отметки и в соответствии с этими отметками пробивать отверстия для перфокарт. Тут и разные виды счетных машин, которые обрабатывают информацию с перфокарт. Эти машины считывают, суммируют, умножают деловую техническую информацию, то есть могут работать на машиносчетных станциях, в научно-исследовательских институтах, в проектных и конструкторских организациях, в отделах технического контроля, в бухгалтериях, в обсерваториях и лабораториях... И как работать!

А в конструкторском бюро уже готовы к серийному выпуску машины завтрашнего дня. Они невелики по размерам и элегантны на вид, вместо импульсных ламп начинены транзисторами и по своему, если так можно выразиться, математическому уровню на голову выше сегодняшних.

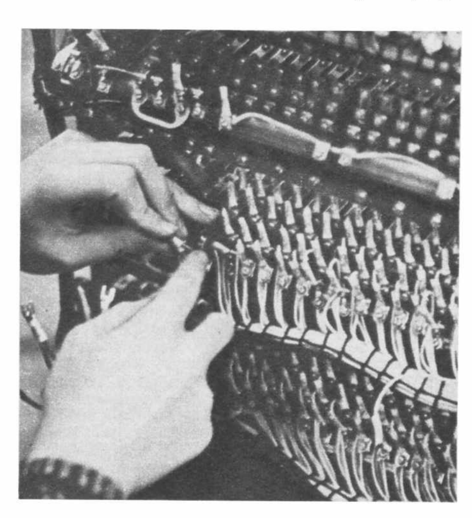
В состоянии увлекательнейшего поиска находятся наука Кибернетика и люди, выдумавшие эту науку. Понятно, что нашим знакомым по молодежному кафе не хватает времени. Они учатся. Учится весь завод счетных машин. Очень немногие — в вечерних общеобразовательных школах, почти все — в институтах и аспирантуре — такой уж тут уровень.

А машины, сделанные молодыми вильнюсскими инженерами, идут во многие города Советского Союза и в разные страны мира.

Вот какие разговоры бывают в молодежном кафе. На то оно и молодежное!

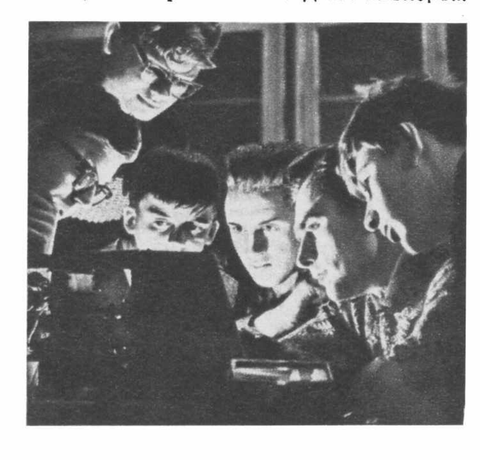

Рабочий класс повышает квалификацию.

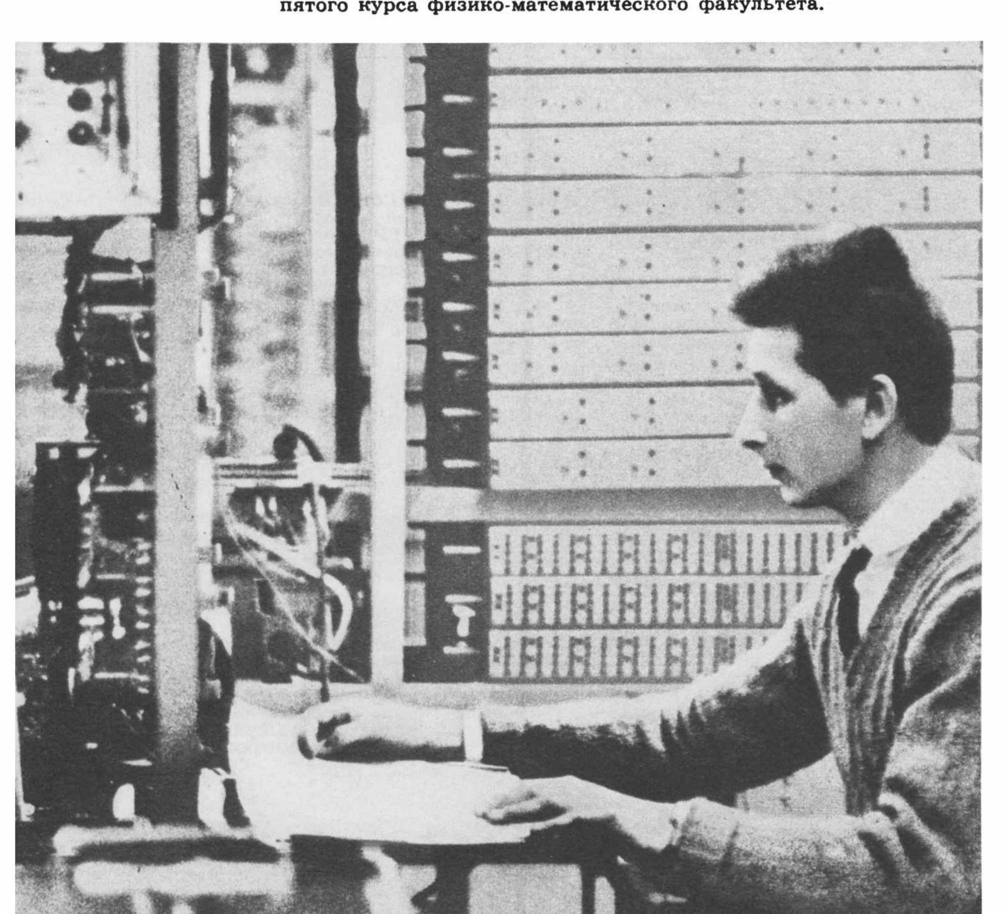

Идет монтаж счетных машин.

Альгис Будрюнас (второй слева) и начинающие изобретатели из Дома пионеров.

Два математика — счетная машина и ее наладчик Бронюс Зимблис, студент пятого курса физико-математического факультета.

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

К 60-летию В. Ф. Пановой

Вера Федоровна Панова—писатель, рожденный войной — справедливой Отечественной войной советского народа. Правда, герои ее повести «Спутники», мгновенно завоевавшей ей широкую известность, не фронтовики, не стреляют по врагу. Но они, женщины и пожилые люди, одетые в белые халаты,— настоящие воины по силе духа, по душевной стойкости, по чувству долга. И трудно сказать, кто из них главный герой: перед нами ряд человеческих судеб, тесно связанных меж собою.

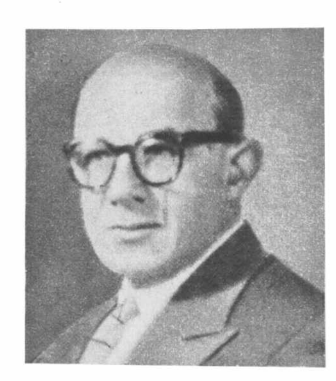
И другие книги Пановой охватывают обширный жизненный слой: в «Кружилихе» речь идет о заводе и заводском поселке, в «Ясном береге» — о районном городке. В последние годы писательница предпочитает иной путь. «Сережа», «Валя», «Володя», «Евдокия» — так, одним именем, называет она свои рассказы и маленькие повести. И точно: это своего рода художественные монографии, посвященные исследованию человеческого характера: малыша, матери многих детей, юноши... Но и здесь неизменно присутствует образ большой жизни, видно огромное людское единство, неотъемлемой частицей которого чувствует себя герой.

Вот вернувшаяся в родной город на Неве, потерявшая мать в самом начале войны молоденькая Валя слышит добрый и сильный голос старой ленинградской работницы тети Дуси: «А зачем у тебя на могилы настрой?.. Молодая! Жить должна! Становись на участок, где мама работала,— это будет красота, это я понимаю!.. А пока бери-ка Люську да идите в баню, самое первое дело с дороги — баня». В этом от сердца данном совете — мудрость рабочего человека, хозяина жизни.

Пановой не нужны слова, объясняющие ее намерения и взгляды. За нее высказываются изображаемые ею люди: действует самая веская и естественная логика — логика человеческих отношений и характеров, логика реализма. И потому так убедительна писательница и в своей любви и в своей ненависти. Да, отнюдь не следует думать, что Панова добродушна, что она питает симпатию ко всем действующим лицам своих произведений. Напротив, начиная с «интеллигентного» доктора Супругова и кончая наглой и откровенной мещанкой Таисой из только что опубликованного «Конспекта романа» («Литературная Россия» №№ 10, 12), писательница безжалостно преследует собственников, пошляков, эгоистов. И надо сказать, что именно последовательность оценки, резкое разделение социального добра и зла отвечают направлению таланта Пановой. Ее книги, рассказывающие, казалось бы, о самых повседневных, или, как говорится, житейских, делах, исполнены внутреннего напряжения и остроты, тонкого юмора и светлой, чистой поэтичности. Это и есть дыхание нашей жизни, ставшее движущей силой искусства.

И. ГРИНБЕРГ

Константин Лордкипанидзе

Выдающегося грузинского писателя Константина Лордкипанидзе в связи с 60-летием со дня рождения наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это третий орден Трудового Красного Знамени, который получает за свое замечательное творчество писатель, один из основателей грузинской советской прозы.

«Есть ли на свете что-нибудь более прекрасное, чем мужество храбреца?..» — этот эпиграф к одному из рассказов К. Лордкипанидзе можно было бы предпослать всему творчеству писателя.

Первые годы Советской власти, годы ожесточенной классовой борьбы, совпали с началом творческой деятельности К. Лордкипанидзе. Он с первых же дней оказался в лагере сознательных борцов за утверждение новой жизни, за новую, социалистическую культуру. Двадцать лет продолжал он работать над своим романом «Заря Колхиды», который сыграл большую роль в развитии грузинской да и всей советской литературы.

В творчестве К. Лордкипанидзе особое место занимает цикл белорусских рассказов под общим названием «Бессмертие». В рассказах изображены представители трудового крестьянства, белорусские партизаны, природа Полесья...

Ряд произведений К. Лордкипанидзе отражает события Великой Отечественной войны. Писатель, непосредственный участник этой войны, в свое время был награжден двумя орденами Красной Звезды и боевыми медалями.

Новую интересную страницу его творческой биографии открывает первая часть романа «Волшебный камень».

Таков беглый портрет этого замечательного писателя и человека, шестидесятилетие которого сейчас празднует вся республика.

Н. МАРКОВ

дайте жалобную книгу

БЛИНЧИКИ С НАГРУЗКОЙ

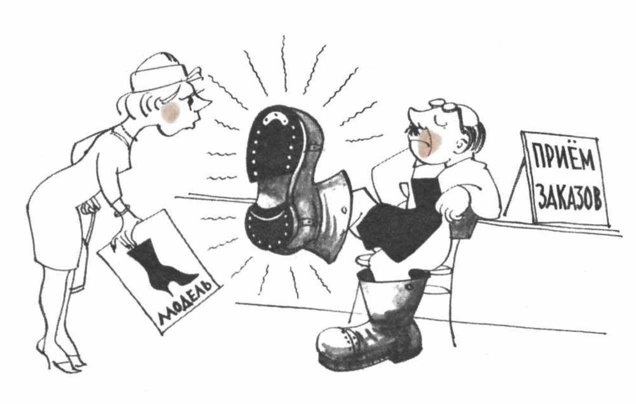
В. ВОЕВОДИН

Художник-сатирик Виктор ВОЕВОДИН по нашей просьбе ездил в Воронеж — город славных тружеников, отличных промышленных предприятий, красивых проспектов. Город ему очень понравился. Но как сатирик он не мог не увидеть вещей, которые порою портят настроение горожанам,— дело касается бытового обслуживания.

Итак, художник заходит в магазины, ателье, кафе и просит показать ему жалобную книгу.

«Я зашла, чтобы сделать заказ на женские сапожки (которые модны в этом сезоне), но заведующий сказал, что у них такая модель не утверждена: мол, шейте по утвержденным моделям».

Ателье новой обуви. Заведующий — тов. Пижалев.

— **Могу сшить вот по этому согласованному и утвержденному образцу.**

«Мною сдано белье в прачечную 20 декабря 64 г. по накладным № 6091 и № 6092. Срок получения 31. XII. 64 г. За бельем я приходила много раз — 31. XII, 11. I. 65 г., 16. I, 19. I, 23. I и 30. I. По накладной № 6092 я белье получила 19. I. По накладной № 6091 — 5 февраля».

Пункт № 1 механической прачечной. Директор прачечной — тов. Попилкина.

— **Что же будет, если они еще целый месяц не вернут нам белье?**

«Прошу воздействовать на продавца отдела женской обуви Яньшину за нетактичное отношение к покупателям. Она груба. Книгу жалоб и предложений в отделе не давали, пока не вмешалась заведующая».

Универмаг № 4.

— **Так кто еще хочет получить жалобную книгу?**

«В кафе в меню значатся блинчики — раздаточная блинчиков не отпускает. В меню значится несколько блюд, а отпускается только шницель или котлеты. После того как я попросила жалобную книгу, мне предложили блинчики».

Кафе ресторана «Воронеж». Заведующий — тов. Парфенов.

— **С чем у вас блинчики?**

— **Блинчики сегодня только с жалобной книгой.**

«Не могу найти 2 метра электропровода. У вас такой провод есть, но его предлагают только в наборе с другими (ненужными) проводами».

Магазин «Электротовары» № 51. Директор — тов. Климова.

— **Вам два метра провода? Пожалуйста, продается в наборе из трех предметов.**

«Брюки к сроку сделаны не были. Их обрезали на 5 сантиметров (против заказанного размера) и вопреки моей просьбе сделали без манжет. Разве мастер имеет право навязывать свой вкус и свою волю?»

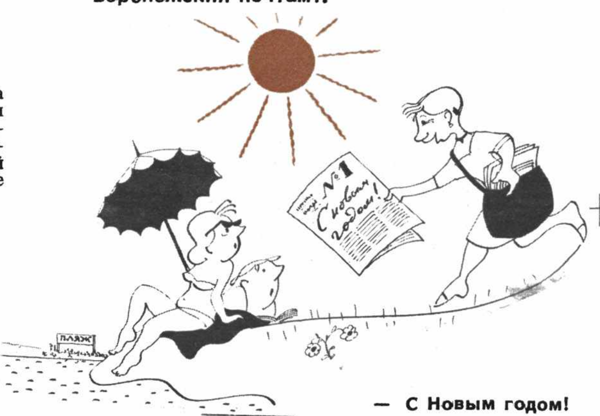
Мастерская № 5 фабрики химчистки и ремонта одежды. Заведующий и мастер — тов. Вертман.

— **А я вам говорю: манжеты сейчас не в моде!**

«Газету «Советская Россия» приносят через день. В начале года первую газету принесли через неделю!!!»

Воронежский почтамт.

— **С Новым годом!**

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Виктор ЩЕГОЛЕВ

Раньше всего болезнь поразила у Семена голосовые связки. Они стали воспроизводить неприятный звук, напоминающий скрип гвоздя по стеклу. Это произошло после назначения Семена старшим инженером. А когда его выдвинули на должность ведущего инженера, недуг стал прогрессировать. Скрип гвоздя по стеклу перерос в повизгивание циркульной пилы. Мы морщились и недоумевали: что произошло с нашим товарищем?..

Затем Семен перестал ходить с нами в столовую. Тут уж мы встревожились: не носит ли хворь злокачественного характера?

Провели консилиум. Сошлись на диагнозе — зачатки чванства. О лечении пока не говорили. Знали: чванство не грипп, окружающим не передается. Наоборот, при общении с чванливым нормальному человеку становится противно, и у него вырабатывается иммунитет. Знали также и то, что такому недомоганию подвержены недалекие люди. Умный чваниться не станет. А Семена Гарцулина мы дураком не считали. Он действительно способный инженер, оригинальный конструктор.

Один из нас так и сказал:

— Пустяки. Временное головокружение.

Однако, когда Семена сделали начальником конструкторской группы, мы с грустью поняли, что ошиблись. Метастазы чванства поползли по всему организму заболевшего. Хуже того, они спарились с высокомерием и породили бестактность. Семен стал заносчив и мелочно придирчив. Он въедался в подчиненных, как абразивный круг, как рашпиль, безжалостно сдирая заусеницы нашего самолюбия.

И все же мы не испытывали к нему неприязни. Мы жалели его. Смотрели, как на ребенка, подцепившего корь.

Вскоре пришлось убедиться, что

ДРЕВНЕЕ ЗЕРНО

Сотрудники местного музея истории города Халле (ГДР) при археологических раскопках нашли древний погреб, в котором оказалось 4 центнера зерна, пролежавшего в земле около 2 700 лет.

ПО СУШЕ И ПО ВОДЕ

Эта игрушечная на вид амфибия, созданная американскими конструкторами, получила название «Пингвин». Двухместный вездеход развивает по суше скорость до 50 километров в час.

ПРОЦЕДУРА

болезнь окончательно подорвала здоровье Гарцулина.

Как-то, просматривая мои чертежи, он стал обращаться ко мне на «вы».

Я поразился:

— Ты что это, Сеня?

В его зрачках сверкнули ледяные кристаллики, в голосе взвизгнула циркульная пила:

— Кончать надо с фамильярностью. Что за мальчишество — «Сеня». Так звали, когда в люльке качали. У каждого есть отчество. Ну, мало ли что вместе в институте учились?..

Мы срочно созвали второй консилиум.

Иван Корягин, самый эрудированный среди нас инженер, сказал:

— Чванство — бацилла культа. Надо Семена спасать. Будем лечить, пока не поздно.

— Но как?— разом воскликнули участники консилиума.

Иван любил проверять наш культурный уровень. Поэтому мы и не удивились, когда он ни с того, ни с сего спросил:

— Знаете ли вы ирландского лорда Эрна?

Мы честно признались: «Не знаем».

— А слыхали ли вы о капитане, управлявшем поместьем этого лорда?

К нашему стыду, мы не знали и капитана.

Иван посмотрел на нас соболезнующе.

— Я так и полагал. Вот к чему приводит инженерно-техническая ограниченность.— Затем продолжал: — Предлагаю для излечения Семена применить широко известную процедуру, возникшую еще в конце девятнадцатого века.

Вкратце он изложил ее суть. И мы приступили к лечению больного.

Все инженеры, конструкторы и даже девушки-чертежницы из группы Гарцулина перестали его замечать. Мы выполняли все его распоряжения, выслушивали указания, но самого не замечали, как не замечают опавший лист в осеннем парке или снежинку в белесой карусели вьюги.

Семен начал злиться. Он то вскипал, как самовар, то в недоумении затихал. Потом стал заигрывать с нами. Хвалил за работу. Шутил. Даже громко смеялся. Но смех его одиноко звучал в тишине конструкторского бюро. Мы вежливо молчали.

Постепенно появились признаки выздоровления. Гарцулин погасил в себе высокомерие. Он уже сам всячески старался установить с нами прежнюю простоту отношений.

Но Иван Корягин предупредил:

— До наступления кризиса процедуру не прерывать.

И наконец кризис настал. Гарцулин пригласил к себе меня и Ивана. Когда-то мы вместе защищали дипломы.

С лица нашего товарища бесследно исчезло выражение той чванливой отчужденности, которое, словно короста, нарастало на нем по мере служебного продвижения.

— Братцы! — промолвил он взволнованно.— Что произошло в нашем коллективе? Откуда могильный холод?

— Это не холод, Семен,— заметил Корягин.— Это тепло дружеских сердец.

— Странное тепло,— зябко поежился Гарцулин.

— Ты заболел, Сеня, капитанской болезнью.

— Какой капитанской болезнью? — изумился Гарцулин.

Я тоже с недоумением посмотрел на Корягина. А Иван уже вознесся к недосягаемым облакам своей эрудиции.

— Ты знаешь ирландского лорда Эрна?—повторил он свой странный вопрос, обращаясь к Гарцулину.

Семен вытаращил глаза.

— Нет.

— И управляющего его поместьем Джемса Бойкотта не знаешь?

Семен пожал плечами, с опаской поглядывая на Корягина.

— Вот видишь, к чему приводит твоя инженерно-техническая ограниченность. За литературой не следишь, даже в энциклопедии не заглядываешь, а зазнаешься.

Иван дружески тронул Семена за локоть.

— Примерно такую же, но помягче процедуру учинили в свое время над Джемсом Бойкоттом.

У дачи три хозяина.

Рисунок А. Грунина.

— Старик, где бы здесь клюнуть?

Рисунок М. Негелева.

ТВОРЧЕСКИЙ «ОГОНЕК» КЛУБ

На этот раз гостями нашего клуба были исполнительница народных цыганских песен Вера Ильинская-Придворова и дуэт гитаристов — В. Словачевский и И. Хоев.

С новыми произведениями советских и зарубежных композиторов познакомил слушателей молодежный квартет — Л. Высоцкий, Е. Ольховский, А. Салтанов и С. Уваров.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

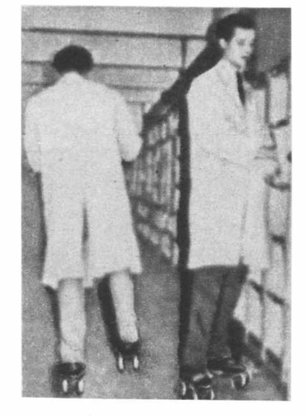

ВОСК ИЗ ПАЛЬМЫ

На высоких холмах в северо-восточной части Бразилии растут пальмы, из листьев которых добывают воск. Утверждают, что этот воск намного лучше пчелиного.

МОРОЗОУСТОЙЧИВЫЕ

Норвежские ученые установили, что гуси и утки выдерживают температуру до минус 110 градусов, в то время как тюлени — жители полярных морей — погибают при 80 градусах мороза.

ЧИНОВНИКИ НА КОНЬКАХ

Для ускорения работы служащие архива одного из учреждений города Кейптауна ездят по длинному коридору на роликовых коньках.

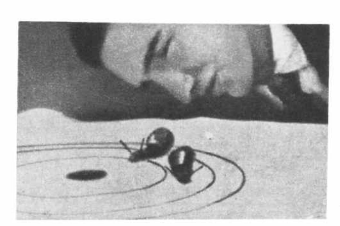

КОЛЛЕКЦИЯ ЧАСОВ

Живущий в ГДР мастер Ландрок коллекционирует редчайшие стенные часы. В его квартире собраны уникальные изделия лучших часовщиков начиная с 1520 года. Ландрок представлял свою страну на 7-м международном конгрессе хронометрии, состоявшемся в Лозанне.

ПРОСЬБА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Французский священнослужитель Лео Элисингер обратился в Ватикан с просьбой о посмертной реабилитации Галилео Галилея, осужденного церковью в 1633 году.

БЕГА УЛИТОК

Лондонский зоолог Джеральд Тейлор недавно придумал новую игру — гонки улиток. Изучая жизнь этих моллюсков, он заметил, что они не любят одиночества и всегда стремятся друг к другу. Тейлор на листе картона в центре нарисовал черное пятно, а по углам расставил улиток. Все четыре бегуна сразу же устремились к центру, полагая, что там сидит их собрат. Установлен рекорд: одной из улиток удалось пройти это расстояние за 9 минут, в то время как другим, менее темпераментным гонщикам на это потребовалось 15—20 минут.

КРУГЛЫЙ БИЛЬЯРД

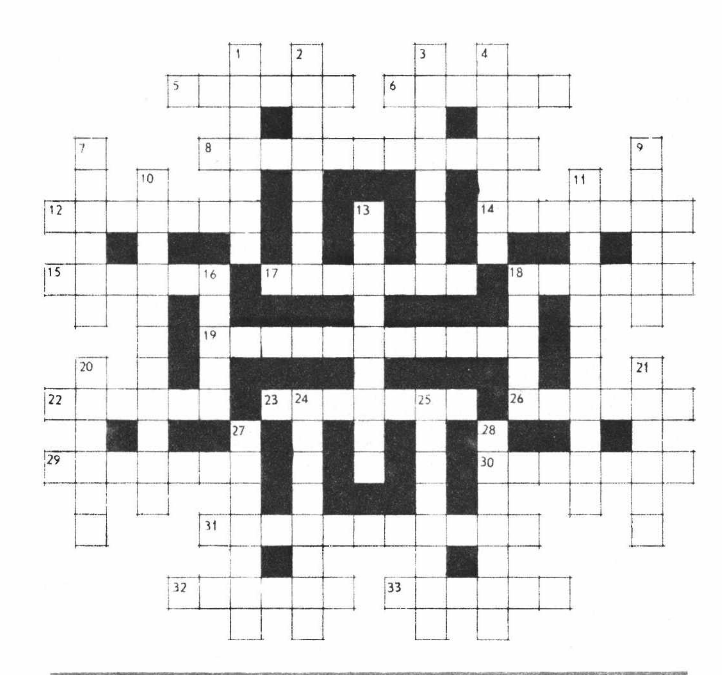
На выставке оборудования отелей и ресторанов, состоявшейся недавно в Амстердаме, демонстрировался круглый бильярд. Он отличается от традиционного бильярда еще тем, что стол сделан из пластмассы.

60 ЧАСОВ ПОД ДУШЕМ

Американские студенты изобрели новый вид состязания — кто больше простоит под душем. Рекорд пока держит 19-летний Майк Вильямс. Он принимал душ 60 часов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский врач-терапевт XIX века. 6. Созвездие южного полушария неба. 8. Минеральная краска. 12. Советский полярник. 14. Окраина села. 15. Порода собак. 17. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов». 18. Водоплавающая птица. 19. Союзная республика. 22. Ветер, периодически меняющий свое направление. 23. Перерыв между отделениями концерта. 26. Промежуток времени. 29. Кондитерское изделие. 30. Сорт слив. 31. Натянутая на раму ткань с изображениями, надписями. 32. Порт на берегу Мозамбикского пролива. 33. Пряность, применяемая в кулинарии.

По вертикали:

1. Подземная выработка. 2. Хранилище для жидкостей. 3. Актриса МХАТа, народная артистка СССР. 4. Автор картины «Степан Разин». 7. Часть речи. 9. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 10. Штат США. 11. Раздел физики. 13. Русский композитор. 16. Шерстяная ткань. 18. Алгебраический термин. 20. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 21. Сочетание стихотворных строк. 24. Город в Ферганской долине. 25. Источник звука. 27. Танец. 28. Государство в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

6. Манипулятор. 9. Гудено. 10. Линней. 12. Гаити. 14. «Макбет». 15. Томпак. 18. Эдельвейс. 19. Альбатрос. 20. «Крестьяне». 22. Профессор. 25. Эльтон. 29. Дронов. 30. Лампа. 31. Треста. 32. Рябина. 33. Определение.

По вертикали:

1. Патент. 2. Минога. 3. Пушнина. 4. Мятлик. 5. Корнет. 7. Футбол. 8. Бешмет. 11. Бандероль. 13. «Жаворонок». 16. Беляк. 17. «Льгов». 21. Сатурн. 23. Сходни. 24. Бумазея. 26. Насыпь. 27. Фланец. 28. «Кармен». 29. Дублин.

На первой странице обложки: Космонавт Алексей Леонов покинул корабль и парит в космическом пространстве. Кадр сфотографирован с экрана телевизора.

На последней странице обложки: Рисунок В. Черникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01944. Подписано к печати 24/III 1965 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 000 000. Изд. № 576. Заказ № 700.

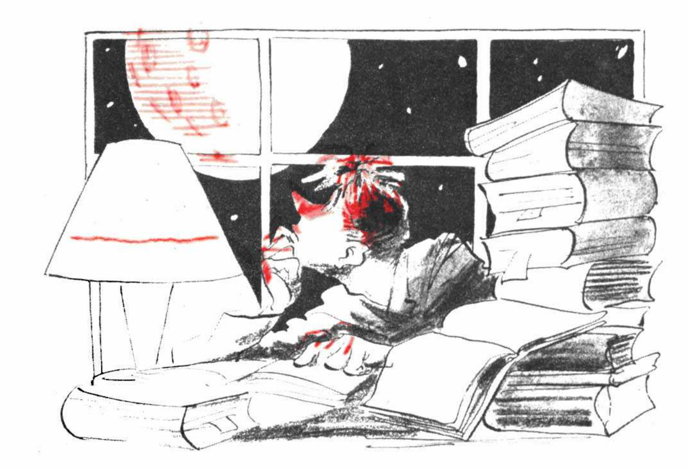
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Концерт на седьмом небе.

— Алло! Космосторг! Огромный спрос на ткани с русским узором! Шлите срочно!

— Вот где бы экзамены сдавать — все предметы в шесть раз легче.

— В цирк хочу!

Рисунки В. Черникова.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

По русскому обычаю.

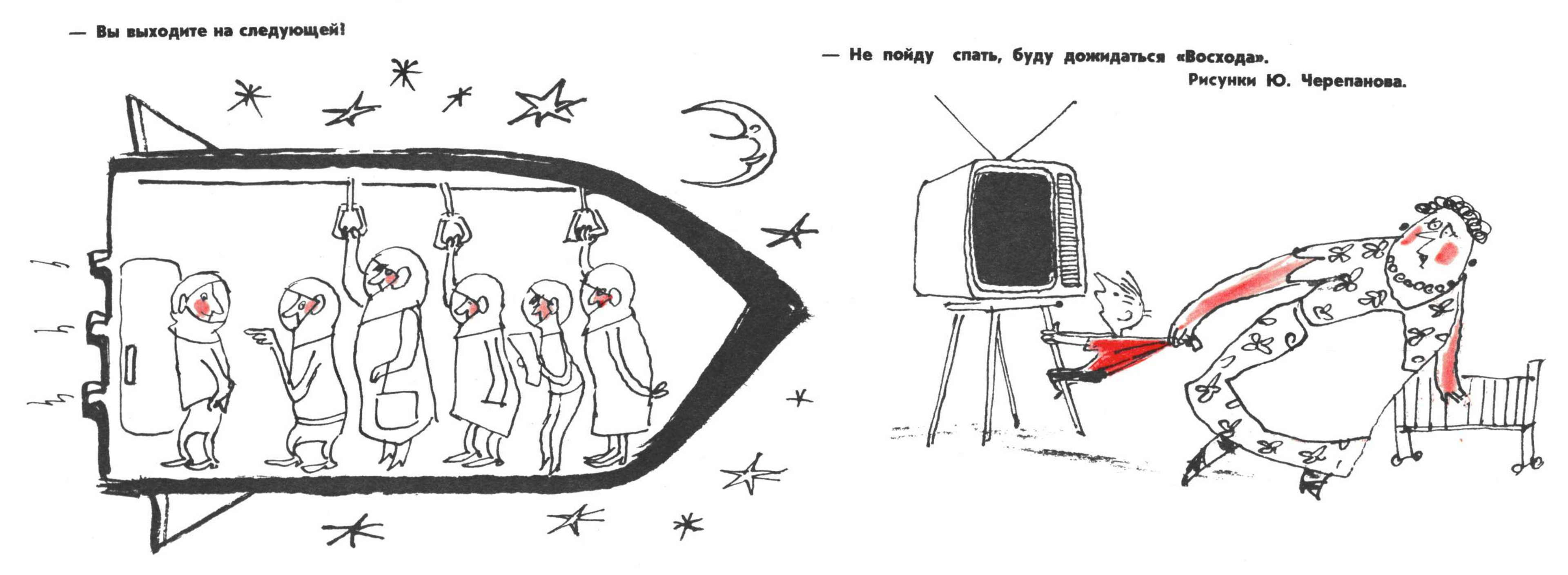
ВОСХОД 2

— Наведывайтесь!
— Спасибо, обязательно!

ВОСТОК-4
ВОСТОК-5
ВОСХОД-2
ВОСТОК-3
ВОСТОК-6
ВОСТОК-2
ВОСТОК
ВОСХОД

— У вас, дорогая Земля, этой весной цветущий вид.

Рисунки В. Черникова.

— Вы выходите на следующей!

— Не пойду спать, буду дожидаться «Восхода».

Рисунки Ю. Черепанова.

Первые шаги

Впервые с натуры

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663